

Мужчины не плачут

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

испытание чувств

Татьяна Корсакова

Мужчины не плачут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6677572

Татьяна Корсакова. Мужчины не плачут: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-64590-9

Аннотация

Мужчины не плачут. Никогда. Даже если их кидают на арену к бешеным собакам на потеху жаждущим зрелищ толстосумам. Даже если погибает близкий человек. Даже если предает друг. И только когда испытания оказываются позади и любимая спасена, можно незаметно смахнуть со щеки соленую влагу, ведь мужчины не плачут – даже от счастья.

Татьяна Корсакова

Мужчины не плачут

Громкий рев, такой, что закладывало уши, не давал сосредоточиться. Серебряный оторвался от изучения нехитрого ассортимента коммерческого ларька, огляделся в поисках источника звука и нахмурился. В пяти метрах от него щекастый младенец раскачивал хлипкую коляску и орал на чем свет стоит. Никого из взрослых поблизости не наблюдалось. Серебряный пожал плечами и отвернулся: если родная мать считает возможным оставлять ребенка без присмотра, то ему, постороннему, какое дело! Лучше уж подумать о сигаретах. Те, что он курил обычно, внезапно закончились, а те, что лежали в витрине ларька, не внушали никакого доверия. Конечно, можно было потерпеть до дома и не рисковать здоровьем, но курить хотелось невыносимо.

Эх, лучше бы он отправил за сигаретами Степана! Тот в «народных марках» разбирался намного лучше. Но последние два дня водитель находился в душевном раздрае из-за болезни жены Аннушки, и Серебряный решил его не тревожить. Решил, и сам удивился своему альтруизму. А уж как удивился Степан, когда босс, великий и ужасный, изъявил желание собственноручно сгонять за сигаретами! Серебряный спиной чувствовал недоуменный взгляд шофера.

«Мальборо», – решил он наконец и полез за бумажником.

Младенец продолжал орать.

Серебряный расплатился за сигареты, прочел предупреждение Минздрава о вреде курения и распечатал пачку. Сигарета была мерзкой. Он вдохнул едкий дым и закашлялся. Курить расхотелось.

Младенец продолжал орать.

Серебряный смял пачку, швырнул в урну, собрался уходить.

Младенец перестал орать и начал хрипеть.

Серебряный развернулся, скрипнул зубами и, дивясь собственному человеколюбию, направился к ребенку. При виде незнакомого хмурого дядьки младенец заинтересованно замолчал.

– Ты чего буянишь? – Наверное, он спросил что-то не то или не тем тоном, потому что младенец вдруг опять зашелся истошным воплем.

Угораздило же! Серебряный беспомощно огляделся, в надежде обнаружить поблизости беспутных родителей. Никого! Только удивленно таращащиеся прохожие.

– Тихо ты! – Он потряс коляску.

Младенец замолчал и улыбнулся щербатым ртом.

– Ну, все! – Рукавом пиджака Серебряный вытер вспотевший лоб. – Ты тут посиди, помолчи, а дядя пойдет...

За спиной послышался тихий рык, Серебряный обернулся и окаменел – в пяти метрах от него стоял огромный ротвейлер. Позвоночник сковало холодом. Он ненавидел и боялся

собак. Это была его единственная, но неистребимая фобия. Он не выносил присутствия рядом с собой даже безобидных болонок и йоркширских терьеров. Он бросил любовницу, как только та решила завести собачку. Это четырехлапое чудовище не было безобидной болонкой. Оно в упор смотрело на Серебряного и недобро скалилось. Влип!

– Тише, собачка, тише...

Медленно, стараясь не делать резких движений, он начал пятиться.

Ротвейлер зарычал.

Серебряный замер, со свистом втянул в себя воздух.

Младенец радостно захихикал.

Пес внезапно сменил траекторию и направился к коляске.

Серебряный зажмурился. Он ненавидел себя за малодушие, но ничего не мог с собой поделать. Какое тут геройство, когда ноги от страха вросли в землю! Если бы он имел дело с человеком, а не с собакой... Против собаки он был бессилён, как этот бестолковый младенец.

И все-таки он решился: медленно, пересиливая страх, начал обходить ротвейлера. Нужно попытаться отвлечь псину на себя. Если все получится, он снова почувствует себя мужиком, а не тварью дрожащей... и месяца два не сможет спать из-за кошмаров.

Пес и младенец заинтересованно наблюдали за его маневрами.

– Ко мне, собачка, – прохрипел Серебряный.

Пес переступил с лапы на лапу, обнажил два ряда острых зубов.

– Ну, иди ж ты сюда, скотина! – Серебряный подобрал с земли камень, швырнул в собаку.

Ротвейлер зарычал, но с места не сдвинулся.

– ... Что вы делаете?! – послышался за спиной возмущенный голос.

Стараясь не выпускать пса из поля зрения, Серебряный обернулся. Растрепанная девица в безразмерном джинсовом комбинезоне сверлила его гневным взглядом.

– Уйди! – отмахнулся он и поднял с земли еще один камень.

– Да прекратите же! – взвизгнула девица и метнулась к коляске.

– Куда?! – Серебряный поймал сумасшедшую за руку, попытался оттащить в сторону. – Жить надоело?

– Пустите! А ну, пустите немедленно! – Девица больно лягнулась, зыркнула зелеными глазами.

Псина вскочила и, тихо порывивая, начала приближаться.

– Да успокойся ты, дура! – зашипел Серебряный. – Видишь, собака!

– Сам ты дурак! – Острый локоть больно уперся в ребра. – Тайсон, сидеть! Я кому сказала – сидеть?!

Пес послушно замер, но продолжал буравить Серебряного недобрым взглядом.

– Так это твоя собака? – Возбуждение ушло, уступая ме-

сто просто невероятной усталости.

– Конечно, моя! Чья же еще? – Девушка высвободилась из его объятий.

– А ребенок?

– И ребенок тоже мой! А вам что нужно?

Серебряный в сердцах сплюнул. Вот идиот! В героя решил поиграть, ребенка спасти от твари четырехлапой. А никого спасать, оказывается, не надо! И псина, и ребенок принадлежат вот этой растрепанной дурынде!

От пережитого, а еще больше оттого, что все его волнения оказались напрасными, Серебряный почувствовал себя сквернее некуда, снова захотелось курить. Девушка не сводила с него удивленно-настороженного взгляда, псина недовольно ворчала и пускала слюни.

– Мужчина, вам нехорошо?

– Отстань! – Серебряный раздраженно отмахнулся, достал из урны измятую пачку «Мальборо», выбил сигарету, нашарил в кармане зажигалку. На сей раз сигарета оказалась ему восхитительной. Девушка неодобрительно покачала головой, отошла к коляске.

– Какого хрена ты ребенка одного оставила?! – неожиданно для самого себя рявкнул он.

– Что? – она обернулась.

– Твой ребенок орал как резаный, – уже спокойнее сказал Серебряный и затаился глубоко, до рези в легких.

– Я не оставляла его одного. С Ванькой был Тайсон.

– Да что ты говоришь?! С Ванькой был Тайсон! Не было с Ванькой Тайсона! И мамки не было! Мамка и Тайсон где-то шастали, а Ванька орал!

– О господи! – Девица сгребла ребенка в охапку, осуждающе посмотрела на пса. – Тай! Ты где был, паршивец? Я тебе что велела?

Серебряный тяжело вздохнул и направился прочь. Глаза б не видели ни Ваньки, ни Тая, ни этой чокнутой.

– Мужчина!

Он не стал оборачиваться.

– Эй, мужчина!!! – Девица не отставала.

– Ну? – Он нехотя остановился.

У нее было нескладное скуластое лицо, слишком большой рот, чересчур бледная кожа и волосы, похожие на паклю. Если бы не глаза, ярко-зеленые, с золотистыми крапинками, ее смело можно было бы назвать дурнушкой. Глаза определенно спасали положение.

– Ради бога, простите. Тай обычно никогда не отходит от Ваньки. Он вас очень сильно напугал?

– Слушай, шла бы ты со своим Таем...

Девица осеклась, обиженно заморгала.

– Я только хотела извиниться...

– Извинилась? – рявкнул он. – Тогда топай отсюда!

Серебряный сам не до конца понимал причину своего раздражения. У него был тяжелый характер, он знал это как никто другой, но он никогда не позволял себе грубить женщи-

нам. Он их использовал, принимал на работу, увольнял, он спал с ними, но никогда не повышал на них голос. А сейчас вот сорвался...

Девушка обиженно фыркнула, младенец заревел, психика зарычала...

– Сумасшедший дом! – Серебряный отшвырнул недокуренную сигарету, ускорил шаг.

– ...Что так долго, босс? – спросил Степан с фамильярностью, свойственной всем личным водителям без исключения.

– Сигареты выбирал, – буркнул Серебряный, тяжело опускаясь на пассажирское сиденье.

Смятая пачка «Мальборо» огнем жгла вспотевшую ладонь.

– Теперь домой? – спросил Степан.

– На кладбище.

Определенно это был день неожиданных решений – идея ехать на кладбище возникла внезапно...

Серебряный купил темно-бордовые розы, не глядя по сторонам, прошел к знакомой могиле, положил цветы на черный мрамор надгробия, устало опустился на маленькую скамейку, сказал:

– Ну, привет, Стриж.

Ему никто не ответил, но березы зашумели как-то по-особенному, и солнце выглянуло из-за туч.

...Стриж был славным парнем. Серебряный всегда завидовал его способности видеть в окружающем мире только хорошее. Вместе они пережили столько, что хватило бы на десять человеческих жизней. У них не было детства. Их юность оказалась сплошным кошмаром. Воспоминания о ней до сих пор, спустя годы, вызывали боль. Серебряный стал тем, кем стал: холодным, расчетливым сорокалетним мужиком, а Стриж умудрился остаться мальчишкой: веселым и бесшабашным. Даже умереть умудрился молодым. Сукин сын...

В глазах зашипало. Нет, он не плачет. Еще в четырнадцать они договорились, что не будут плакать никогда. Мужчины не плачут, а они не просто мужчины, они гладиаторы. Уже в четырнадцать они плевать хотели на боль и смерть...

Серебряный не плакал даже на похоронах Стрижа, даже после похорон, когда заперся в своем кабинете и в одиночку выжрал два литра водки. Окажись Стриж на его месте, он бы тоже не плакал...

Запиликал мобильный. Серебряный встрепенулся, виновато посмотрел на черное надгробие.

– Прости, старик, мне пора.

Березы опять зашумели как-то по-особенному...

* * *

Ее разбудил Ванькин плач. Маша, еще до конца не проснувшись, села, нашарила тапки, пошатываясь спросо-

нья, подошла к детской кроватке, по пути наткнувшись на недовольно заворчавшего Тая.

– Соня, – буркнула она, обходя развалившегося у детской кроватки пса.

Ванька хныкал во сне, одеяльце сползло, в темноте белели босые ножки. Маша потрогала простыню – мокрая. Придется перестилать, переодевать Ваньку. Как плохо, что подгузники закончились. Все-таки подгузники – величайшее изобретение человечества. Жаль только, что оно ей не по карману. Денег осталось только на детское питание для Ваньки и на корм Тайсону.

– Ничего, Вань, – приговаривала Маша, переодевая сына, – вот мамка сделает заказ, получит денежки и купит тебе памперсов. Потерпи чуть-чуть, уже скоро.

Вообще-то, Ваньке и без памперсов было неплохо. Просто ей самой приходилось чаще просыпаться, а это тяжело. Для нее оказалось намного легче недоесть, чем недоспать, а Ванька спать не давал.

Маша знала, что к малышам нужно вставать по ночам, но она не была готова к тому, что придется делать это так часто. Ваньке шел уже второй год, а она по-прежнему вставала к нему по десять-двенадцать раз за ночь. Спокойный и даже немного флегматичный днем Ванька ночью становился тревожным и капризным.

«А что ж ты, Машка, хочешь?! Дите грудью не кормила совсем, все смеси да смеси! Откуда ж ему быть спокойным?»

– зазвенел в голове сварливый голос бабы Тони.

Скорее бы уже баба Тоня вернулась! Баба Тоня на несколько дней уехала в провинцию к родственникам. Оставалось продержаться без нее совсем чуть-чуть. С ней и Маше было легче, и Ванька становился спокойнее. Господи, какое счастье, что она появилась в их с Ванькой жизни!

Маша передела сына, сбросила тапки, с головой укрылась одеялом. Сон, такой долгожданный и дорогой, как ветром сдуло. Вспомнился дневной инцидент. Высокий мужчина, еще не старый, но уже почти полностью седой, злые глаза, сигарета в дрожащих пальцах, обидные слова...

Чего он завелся? И вообще, нечего вмешиваться не в свое дело, если такой впечатлительный! Ваньку напугал, Тая разозлил, ее оскорбил... Маша раздраженно заворочалась, прогоняя желчного незнакомца на задворки памяти. У нее своих проблем достаточно. Вот, к примеру, нужно что-то срочно делать с волосами...

После родов с ее волосами, волнистыми и послушными, случилось что-то страшное. Они потеряли яркость и стали вдруг виться «мелким бесом». С копной этакого безобразия на голове Маша чувствовала себя полнейшей уродиной. Вчера она решила покраситься, сэкономила на парикмахерской, купила дешевую краску, и вот результат – волосы окрасились неравномерно, стали жуткого грязно-рыжего цвета. Хоть на улицу не выходи...

Маша тяжело вздохнула, повернулась на другой бок. На-

верное, придется принять предложение Лики и сходить к ее стилисту. Может, еще не все потеряно и ее бедная шевелюра подлежит реставрации? А когда-то давно, еще в прошлой жизни, Антон говорил, что у нее чудесные волосы.

Сердце болезненно заныло. Маша запрещала себе думать об Антоне, и обычно у нее это получалось. Обычно, но не этой ночью...

Они учились на одном курсе: Антон Погорелов – красавец, дамский любимчик, душа компании, и она, Маша Литвинова – тихая, невзрачная, никакая. Они были с разных планет. Их орбиты не могли пересечься никогда, но однажды они все-таки пересеклись...

У Маши была своя квартира, оставшаяся после смерти бабушки «сталинка» почти в центре. Когда однажды перед одноклассниками встал вопрос, где встречать Новый год, Маша, не задумываясь, пригласила всех к себе. Она знала, что это будет очень хлопотно, что придется полдня стоять у плиты, а потом прислуживать гостям «на правах хозяйки», а гости обязательно что-нибудь разобьют или сломают, замызгают ванную и туалет, и утром придется мыть горы посуды, делать уборку и выслушивать нотации от потревоженных соседей. Но ее день рождения случался как раз в канун Нового года, и ей так не хотелось отмечать его в одиночестве.

И еще, Маша даже себе не хотела в этом признаваться, была надежда, что кто-нибудь вспомнит про ее день рождения,

и хоть на минуточку на нее обратят внимание. Она не ждала подарков, внимание – вот единственное, чего ей хотелось.

Первые гости явились в начале десятого. В десять веселье было уже в разгаре. Маша радостно улыбалась и пыталась убедить себя, что ей тоже весело.

Ей плохо давался самообман. Дурочкой она не была и прекрасно понимала: никому до нее нет дела. Однокурсникам нужна ее квартира, приготовленная ею еда, а сама она не нужна. А ведь она так старательно выбирала наряд для Нового года, укладывала волосы в затейливую прическу и даже сделала макияж по такому случаю. Ее стараний никто не оценил, их даже не заметили...

В одиннадцать, когда Маша уже была на пороге тихой истерики, в дверь позвонили. В прихожую ввалилась смеющаяся, пахнувшая морозом и шампанским компания. Среди вновь прибывших оказался Антон Погорелов.

– Привет! – Антон протянул ей бутылку шампанского, поцеловал в щеку как старую знакомую. – Маш, извини, что без приглашения. Надеюсь, не прогонишь!

Оказывается, он знает, как ее зовут! И пахнет от него чудесно. И губы у него холодные и мягкие...

Маша стояла дура душой, улыбалась и не знала, что ответить.

– Да не прогонит! – Динка Кирюшкина, Машина одногруппница, прижалась к Антону пышной грудью. – Кто ж прогонит такого красавчика!

Все засмеялись. Антон заговорщицки подмигнул Маше. Она залилась краской, сбежала на кухню.

На кухне самозабвенно целовались Васька Горевой и Танька Тишко, Маша пробормотала извинения, проскользнула на балкон. Двадцатиградусный мороз привел ее в чувство. Она стояла, вцепившись в ледяные перила, и смотрела на ночной город. Сердце подсказывало ей, что этот Новый год станет особенным, надо только найти в себе силы и выйти к гостям.

Силы вернулись к Маше лишь в полночь, когда настенные часы пробили двенадцать. Подвыпившие гости радостно загалдели, зазвенели бабушкины хрустальные бокалы.

– С Новым годом! – Кто-то обнял ее за плечи.

Маша обернулась – ей улыбался Антон Погорелов.

– Выпьем? – Он протянул ей шампанское. – На брудершафт!

Это было похоже на сон: озорные искры в его глазах, шампанское, поцелуй...

– Ну, хватит уж! – Машу кто-то дернул за рукав. Динка Кирюшкина сверлила ее недобрый взглядом. – Получила свою порцию счастья – дай другим получить! – Она оплела шею Антона руками, замурлыкала, точно сытая кошка.

Наблюдать за тем, как Антон целует другую, стало испытанием не из легких. Маша ушла на кухню. Благо там уже никого не было.

А праздник набирал обороты. Маша устала не столько от

шумной компании, сколько от себя самой. Не готова она оказалась к тому, что творилось в ее глупом сердце. Она улыбалась гостям, изображала веселье, но при первом же удобном случае сбегала на кухню, отдышаться, успокоиться...

В самый разгар веселья кто-то все-таки вспомнил про Машин день рождения. Ее вытащили из кухни, усадили во главу стола, заставили выпить полный бокал шампанского. А потом про нее снова забыли. К тому, что именно так все и случится, Маша была готова. Она оказалась не готова к тому, что Антон уйдет. А он ушел, не попрощавшись, даже не сказав дежурных слов благодарности. Ей хотелось плакать, но она держалась, ждала, когда все разойдутся по домам.

Последний гость ушел в четыре утра. Точнее, не последний, а предпоследний. Васька Горевой напился так, что было решено оставить его у Маши. Теперь он спал на Машин диване, укрытый любимым Машиным пледом, в то время как сама она, заливаясь горькими слезами, мыла посуду...

В дверь позвонили. Маша вздрогнула, кухонным полотенцем вытерла зареванное лицо. Наверное, вернулась Танька, не смогла оставить своего ненаглядного в обществе посторонней девицы.

...Это была не Танька. За дверью стоял Антон.

– С днем рождения! – Он сунул ей в руки огромного плюшевого зайца, перевязанного розовой лентой. – Это тебе! Извини, цветов не нашел.

Цветов не нашел! Он искал цветы для нее, дуры! Цветов не нашел, зато где-то нашел это пушистое чудо! В новогоднюю ночь!

– Пустишь меня? – В его голосе слышался смех.

– А все уже ушли. – Маша прижала подарок к груди.

– А мне все и не нужны. Пустишь? – Он забрал зайца, которым Маша заслонялась, как щитом, заглянул ей в глаза.

– Пущу, наверное... Нет, конечно, пущу!

Антон засмеялся, сгреб Машу в охапку.

– Ты такая забавная и очень красивая!

Никто и никогда раньше не говорил Маше Литвиновой, что она красивая. А если бы даже и сказал, она бы не поверила, никому... А Антону поверила и даже почувствовала себя красивой.

Это была удивительная ночь. Они занимались любовью. Старая кровать ужасно скрипела, и Маша боялась, что спящий в гостиной Васька непременно проснется. Васька не проснулся, и свидетелем Машиного безумства стал только плюшевый заяц, которого она зачем-то приволокла с собой в спальню...

Больше всего на свете Маша боялась, что наступит утро и Антон уйдет. Утром сказки обычно заканчиваются, принцессы превращаются в лягушек, а прекрасные принцы начищают доспехи и седлают белых коней.

Наступило утро. Антон ушел, но спустя несколько часов вернулся с переброшенной через плечо потрепанной спор-

тивной сумкой.

– Хочу жить с тобой. Не прогонишь?

Новогодняя сказка продолжилась...

Проспавшийся Васька с удивлением наблюдал, как Антон выкладывает свои бритвенные принадлежности на полочку в ванной. Маша пряталась на кухне.

– Погорелов, ты это че, серьезно? – услышала девушка голос Васьки.

– Серьезнее не бывает.

– С Машкой?! – В Васькином голосе было столько пренебрежения, что Маша, затаившаяся на кухне, до крови закусила губу.

– С Машей, а не с Машкой, – тихо, но с угрозой сказал Антон. – У тебя есть возражения?

– Да нет. Я просто...

– Вот и заткнись, если просто!

* * *

Их неожиданный роман взбудоражил весь институт. Народ делал ставки, гадал, как долго это продлится. Такой мезальянс! Он красивый, перспективный, всеми обожаемый. Она некрасивая, бесперспективная, никому не нужная. Маше пришлось выслушать немало гадостей, сальностей и насмешек. Она научилась игнорировать острые, как пики, взгляды и всеобщее осуждение. Все это было ничтожно ма-

лой платой за любовь Антона. Ради него она согласилась бы на куда более серьезные страдания.

Вопреки прогнозам, они прожили вместе два с половиной года. После окончания института Антон поступил в аспирантуру. Маша устроилась в небольшую компьютерную фирму. Он продолжал учиться, она обеспечивала нормальный быт. У них была настоящая семья, неважно, что без штампа в паспорте. Разве штамп имеет какое-то значение, когда двое любят друг друга?! Иногда Маше казалось, что за эти несколько лет она узнала Антона лучше, чем саму себя, но он не переставал ее удивлять...

Однажды Антон пришел домой поздно, он был немного навеселе. Маша, успевшая известись за вечер ожидания, бросилась ему на шею.

– Тише-тише, малыш! – Антон отстранился и загадочно улыбнулся. – А у меня для тебя сюрприз!

Маша замерла в предвосхищении. Ее Антон был мастером сюрпризов: розы в феврале, билеты в кино на ночной сеанс, ужин в ресторане на последние деньги...

– Вот, познакомьтесь! – С видом фокусника Антон вытащил из-за пазухи что-то, что Маша сначала приняла за меховую игрушку. – Это Тайсон. Вообще-то у него другое имя, длинное и труднопроизносимое, но я решил, что он будет Тайсоном.

– Что это?

Маша потянулась к игрушке. Раздался залиvistый лай.

Она ойкнула. Антон засмеялся.

– Не бойся, малыш, пока еще Тайсон маленький и безобидный, но очень скоро он станет настоящим бойцовским псом. Ты представить себе не можешь, какая у него родословная! Даже у английской королевы родословная проще!

Маша осторожно взяла щенка на руки. Щенок перестал лаять и уткнулся влажным носом ей в шею.

– Откуда он?

– Из питомника, очень крутого питомника, радость моя. – Антон устало опустил на стул, сбросил ботинки. – Тайсон очень дорогой пес, так что обращай с ним с должным почтением.

Ей было неловко спрашивать, но она все-таки спросила:

– А где ты взял деньги?

– Как – где? В коробке из-под кофе, разумеется. – Он выглядел удивленным.

Маша закусил губу: в коробке из-под кофе хранились все их сбережения, целых две тысячи долларов. Она собирала деньги на летний отдых и на новый компьютер. Они ведь программисты, им никак не обойтись без приличного компа. Антон знал о ее планах с самого первого доллара. Знал – и купил Тайсона...

– А сколько там осталось? – спросила она с надеждой.

– Где? – Антон прошел на кухню, загремел кастрюлями. – Малыш, а покушать что? Очень кушать хочется!

Маша посадила Тайсона на коврик и, гоня прочь недобрые

предчувствия, прошла на кухню вслед за Антоном.

– В банке из-под кофе что-нибудь осталось?

– Ну, осталась там какая-то мелочь, баксов сто пятьдесят. Но ты их не трогай. Тайсону нужно купить ошейник, поводок, корм и прочие витамины.

– А как же комп? – спросила Маша упавшим голосом.

– Какой комп? – Антон чмокнул ее в щеку. – А, комп! Машка, да купим мы тебе комп! Ты посмотри, какая прелесть!

– Антон...

– Что – Антон? – сказал он неожиданно резко. – Ты что, денег пожалела?

– Компьютер нам нужен для работы. Старый все время ломается...

– А Тайсон нужен мне для души. – Антон обиженно отвернулся. – Я с детства мечтал о собаке...

Маша хотела сказать, что вовсе не обязательно было платить за собаку такие деньги, но испугалась, что он обидится еще сильнее.

Антон молча съел ужин, вышел с сигаретой на балкон. Тайсон тихо заскулил. На полу в прихожей растекалась лужа.

– Горе ты мое. – Маша вытерла лужу, взяла щенка на руки. За спиной послышались раздраженные шаги. Антон, не глядя в ее сторону, прошел в гостиную.

– Постелешь мне на диване.

Маша вздрогнула: никогда раньше, даже когда у них слу-

чались ссоры, он не просил постелить ему на диване. Она вошла в гостиную, робко присела рядом с Антоном, потерлась подбородком о его плечо.

– Что еще? – спросил он хмуро.

– Прости. – Она уже едва не плакала. – К черту деньги! Мне очень нравится Тай.

– Не Тай, а Тайсон! Попрошу запомнить, – проворчал он. – И чтобы никаких мне телячьих нежностей! Тайсон – ротвейлер, а не болонка. Уяснила?

– Уяснила! – Маша счастливо улыбнулась. Гроза миновала! Антон не умел долго злиться, она это точно знала.

– Я пошла стелить постель...

– Иди уж, жадина-говядина! – Он привлек ее к себе, поцеловал в губы.

На душе сразу стало легко и радостно. Какая же она все-таки эгоистка! Ведь, если разобраться, новый комп нужен именно ей, а не Антону. У Антона – аспирантура, научная деятельность...

Маше не спалось. Рядом похрапывал Антон, а на прикроватном коврикe жалобно скулил щенок.

– И чтобы никаких там телячьих нежностей, – прошептала она, нашарила в темноте пушистый комочек и сунула его к себе под одеяло.

Тай перестал скулить, прижался к ней горячим боком.

– Утром пойдешь обратно на коврик, – сказала Маша строго.

Как-то так получилось, что забота о Тайсоне легла исключительно на Машины плечи. Две недели Антон выгуливал и кормил щенка, а потом самоустранился. «Малыш, устал, как собака. Погуляй с Тайсоном сама».

Маша послушно брала поводок и шла гулять. Нельзя сказать, что общение с Тайсоном было ей в тягость. Просто теперь требовалось чуть раньше вставать и чуть позже ложиться. А еще пришлось стать чуть более экономной, чтобы у щенка было все необходимое. Это все мелочи! Тай был таким милым, таким смешным! Настоящий ребенок!

Сначала Антон смотрел на Машино увлечение очень даже благосклонно, но скоро стал все чаще раздражаться. «Ты проводишь с этой псиной больше времени, чем со мной. Ты окончательно его разбаловала». Антон ревновал. Маша отмалчивалась и в душе посмеивалась. До поры до времени...

Лифт, как обычно, не работал. Маша поднималась по лестнице, когда услышала лай Тая. К тому моменту, как она распахнула дверь, лай перешел в жалобный вой.

– Что случилось? – Она обвела недоуменным взглядом Антона и незнакомого мужчину. В руках у незнакомца был поводок Тая.

– Малыш, ты только не волнуйся, так будет лучше, – сказал Антон и улыбнулся.

– Что будет лучше? – Она погладила испуганно поскуливающего, жмущегося к ее ногам Тая.

– Тайсон... Я решил, что ему требуется другой хозяин.

– Как? – Маша вцепилась в ошейник Тая.

– Тайсон – не то, что нам нужно. Хорошо, что я вовремя это понял. Вот, Сергей Иванович согласился его забрать.

– Не отдам, – Маша затрясла головой. – Это мой пес!

Как можно? Как можно вот так запросто сказать – не то, что нам нужно!

– Вообще-то это я его купил. – Улыбка Антона поблекла.

– За мои деньги! – отрезала она. Возможно, впервые за время, что они жили вместе, Маша посмела выразить свое мнение в такой категоричной форме.

– Ну что ж, Антоша, накрылся твой новый мобильник, – вмешался в их перепалку мужчина.

– Мобильник? – переспросила Маша.

– Я ему – мобильник, он мне – пса. Нормальный такой обмен, принимая во внимание тот факт, что пес у вас совершенно необученный, что работать с ним еще и работать. Ладно, ребятки, вы тут договаривайтесь, а я пошел. Если вдруг передумаете, звоните...

Стоило только двери захлопнуться за незнакомцем, как Антон пошел в наступление:

– Что ты себе позволяешь?!

– Тайсона я не отдам! – Маша погладила пса по голове.

– Это мы еще посмотрим!

– Посмотрим...

Антон ушел. Маша знала, что он ушел надолго, может

быть, даже навсегда. Она устало опустилась на пол прямо в прихожей. Тай лег рядом, положил морду ей на колени, преданно посмотрел в глаза.

– Не бойся, я тебя никому не отдам, – прошептала она и расплакалась.

Антон вернулся во втором часу ночи. Дома его ждал разогретый ужин и расстеленный диван...

* * *

Рано или поздно это должно было случиться. Маша заворуженно рассматривала тест на беременность. Тест был положительным...

Подростий, уже совсем взрослый Тай застыл на пороге в ванную и не сводил с нее внимательного взгляда. Маша отложила тест, погладила себя по плоскому пока еще животу, мечтательно улыбнулась. Теперь нужно беречься. Не просиживать дни и ночи перед компьютером, а побольше гулять на свежем воздухе, пить витамины, ходить в картинные галереи, приобщаться к прекрасному. И еще нужно решить, как сообщить эту чудесную новость Антону.

Маша мучилась целую неделю, но так и не придумала ничего оригинальнее, чем романтический ужин при свечах. Она выбрала субботу, в последнее время Антон часто работал и по выходным. Полдня простояла у плиты, готовя его любимые блюда, купила шампанское, фрукты и шоколадные

конфеты. К семи вечера стол был накрыт.

Антон пришел в половине десятого.

– Извини, малыш, дела! – Он поцеловал Машу в щеку.

– Я понимаю. – В такой день она не могла злиться. – Мои руки, ужин – на столе.

– Вообще-то, я перекусил на работе.

– Перекусы не считаются. Давай-давай! – Маша подтолкнула Антона к ванной.

– Тогда я заодно и душ приму.

– Только не задерживайся.

– А что так?

– Сюрприз.

– Ого! Люблю сюрпризы! – Он еще раз чмокнул ее в щеку.

...Маша так толком и не поняла, удался сюрприз или нет.

Сначала Антон вообще никак не отреагировал на ее сообщение о ребенке. Он сидел с бокалом недопитого шампанского в руке и молча смотрел куда-то поверх Машиной головы.

– Ты не рад? – спросила она.

– Что? – Антон встrepенулcя, взял в свою руку влажную от волнения Машину ладошку.

– Рад? – Она потерлась щекой о его подбородок.

– Угу. А ты абсолютно уверена?

– Да, я делала тест. Дважды...

– Большая задержка?

– Десять дней.

– Малыш, а мы готовы?

– К чему? Стать родителями?

– Ну, ты понимаешь: пеленки, распашонки, памперсы, сопля...

– Я как-то иначе себе это представляла.

– А как? Думаешь, будет по-другому? Машка, – Антон притянул ее к себе, заглянул в глаза, – давай сделаем аборт, а? Ну, подумай сама, зачем нам этот геморрой? Нам же и так хорошо.

– Геморрой?..

– Ну хорошо, я неверно выразился, но ведь суть от этого не меняется!

– Ты же сказал, что рад.

– Рад, но посуди здраво. Как мы его потянем? Я – аспирант. Ты получаешь гроши.

– У Васьки с Танькой уже двое, – прошептала Маша.

– И что хорошего? Наплодили нищеты! – Антон брезгливо поморщился. – Я еще пожить хочу. Для себя! Понимаешь?! Мне пока не хочется ярмо на шею вешать!

– Ребенок – это не ярмо!

– Для меня – ярмо! В общем, так! – Антон порывисто встал из-за стола, отошел к окну. – Или ты делаешь аборт...

– Или? – Маша вцепилась в край скатерти.

– Или я уйду, – сказал он совершенно спокойным, будничным тоном.

– Уходишь?..

– У тебя есть выбор. – Антон не смотрел в ее сторону. – Срок еще очень маленький. Все можно уладить с минимальными потерями.

– Я не буду ничего улаживать. – Маша оставила в покое скатерть, сложила руки на коленях.

– Не понял... – Все-таки он на нее посмотрел – удивленно, словно видел впервые в жизни.

– Я оставляю ребенка.

– То есть ты хочешь сказать, что какой-то ребенок тебе дороже любимого человека?!

Маша молчала. Оказывается, можно прожить с мужчиной почти три года и так ничего о нем не узнать...

– Что ты молчишь? – От недавнего спокойствия Антона не осталось и следа. – Скажи, я тебе совсем безразличен? Ты меня ни во что не ставишь?

Теперь он пытался во всем обвинить ее. Он и раньше так делал, а она не замечала или не хотела замечать...

– Машка, ты хоть понимаешь, какой это шок для меня? – Антон изменил тактику. Она ведь понимающая, жалостливая, она его любит больше жизни и обязательно одумается. Она не сможет отказаться от него, не сможет жить без него. Для нее он центр мироздания...

– Я понимаю. – Маша встала из-за стола, успокаивающе погладила по голове нервничающего Тая.

– Вот и умница! – Антон кивнул. – У одного моего приятеля есть знакомый гинеколог. Все будет просто замечатель-

но! – Он обнял ее за плечи. – А знаешь, что? Мы с тобой поедем этим летом в Прагу. Ты же всегда хотела в Прагу.

– Уже поздно, – сказала она, высвобождаясь из его объятий, – я разрешаю тебе уйти завтра.

– Что? – Антон смотрел на нее своими необыкновенными, потрясающе красивыми глазами. Длинные ресницы обижено трепетали.

– Я сделала выбор, ты можешь уходить.

Он не верил. Он просто не мог поверить, что такое может произойти. Наверное, Антон думал, что Маша будет любить его вечно...

А она и любила. Но своего ребенка она любила не меньше. И этот ребенок не требовал, чтобы она совершила убийство в доказательство своей любви к нему, а Антон требовал...

Они стояли друг напротив друга и молчали.

– Ты идиотка! – наконец сказал он. – Ты на себя в зеркало давно смотрела? Ты же уродина! Кому ты будешь нужна брюхатая?! Ни-ко-му!

– Никому, кроме тебя? – спросила Маша, придерживая за ошейник рычащего Тайсона.

– Да ты и мне не нужна, – процедил Антон. – Мне жить было негде. Меня из общаги поперли, а тут такая дура! – Его лицо, такое красивое, такое родное, до неузнаваемости изменила недобрая усмешка. – Жрать готовишь, курсовые за меня пишешь, деньги на пиво даешь, да еще и в постели ублажаешь. В постели, кстати, ты ничего, если глаза закрыть.

Это было слишком. Даже для такой терпеливой дуры, как Маша Литвинова. Наверное, пощечина выглядела бы эффективнее, чем то, что сделала она...

Удар кулаком пришелся в челюсть. Антон взвыл, схватился руками за лицо.

– Ах ты, сука!

Если бы не Тайсон, он бы ее избил, по глазам было видно, но предупреждающий рык Тайсона привел Антона в чувство.

– Убери эту тварь! – прошипел он, пятясь к двери.

– Тише, мальчик, тише. – Маша обхватила пса за шею. – Он сейчас уйдет и никогда больше не вернется.

– Я уйду! – Антон сдернул с вешалки свою куртку. – Только вот смотри, сука, не пожалей!

– Раньше ты называл меня по-другому. – Маша горько усмехнулась. Внутри было пусто, ни боли, ни обиды – ничего.

– Раньше ты была послушной дурой.

– И не била тебя по морде.

– Я приду за вещами завтра! – Он хлопнул дверью.

– Я тебе их даже упакую. – Маша села за стол, задумчиво посмотрела на пламя горящей свечи.

Подошел Тай, положил голову ей на колени.

– Все будет хорошо, – сказала она не то себе, не то Тайсону.

Ей повезло, что это случилось не дома, а на приеме у гинеколога. Кажется, только что Маша жаловалась врачу на головную боль и отеки, и вот – она уже куда-то проваливается...

...Она пришла в себя на жесткой кушетке. В кабинете царил странный полумрак.

– Что-то случилось? – Говорить было тяжело, каждое слово отдавалось в голове набатным звоном.

– У тебя, девонька, преэклампсия. «Скорую» мы уже вызвали, поедешь в стационар, от греха подальше. – В голосе медсестры слышалась озабоченность пополам с раздражением. – Допрыгалась...

Маша молчала. Из сказанного она поняла лишь то, что ей нужно срочно ехать в стационар, что специально для нее вызвали «Скорую помощь». Но что означает это загадочное слово «преэклампсия»? И почему она допрыгалась? Она следовала всем рекомендациям: пила витамины, делала разгрузочные дни, дважды лежала на сохранении. Разве ее вина, что, несмотря на все старания и разгрузочные дни, ноги все равно отекают так, что ходить она может только в шлепанцах? Разве может она что-то сделать с высоким давлением, которое в последнее время ничем не сбивается?

Впрочем, вина, может быть, и ее. Зарекалась ведь не под-

ходить к компьютеру во время беременности, но как программист может жить без компьютера? Ей необходимо зарабатывать деньги для себя и для ребенка. А есть еще Тай, которого нужно кормить и хоть изредка баловать витаминами.

– Ну, как самочувствие? – В кабинет вошла гинеколог, немолодая улыбчивая женщина, ловко приладила к Машинной руке манжету тонометра.

– Голова болит. – Маша виновато улыбнулась.

– Голова болит потому, что давление у тебя высокое. – Врач не сводила взгляда со стрелки тонометра. – Сто шестьдесят на сто десять, и это после укола. Ну, вот что, красавица, – она успокаивающе погладила Машу по руке, – в больницу тебе надо. И быстренько...

– Я не могу в больницу. – Маша попыталась сесть, в голове тут же что-то взорвалось. Девушка зажмурилась и со стоном опустилась обратно на кушетку.

– Это даже не обсуждается, моя хорошая, – сказала врач с нажимом. – Положение очень серьезное. Тут дело такое – сейчас ты козочкой скачешь, а через мгновение уже в коме лежишь. Вот так-то...

– У меня дома собака...

– А в животе у тебя – ребенок! И в первую очередь ты должна думать о нем. О собаке соседи позаботятся, позвонишь им из больницы. – Врач бросила быстрый взгляд на наручные часы, сказала успокаивающе: – «Скорая» вот-вот приедет, ты не волнуйся.

Маша лежала одна в полутемной палате. Сквозь щель в неплотно задернутых шторах просачивался мутный свет.

– Темнота нужна, чтобы не спровоцировать повторный приступ, – объяснила молоденькая медсестра, плотнее задергивая шторы.

Маша устало прикрыла глаза, свободной от капельницы рукой погладила себя по животу. Ребенок вел себя беспокойно: пинался и без конца ворочался.

– Брыкается? – спросила медсестра.

– Брыкается.

– Что ж ты хочешь? Тебе плохо, и ему плохо...

– А что с нами будут делать? – отважилась спросить Маша.

– Сохранять вас будут, давление держать.

– А если не получится?

– Да получится все, что за мысли?!

– А все-таки...

– Ну, если не получится, придется тебе рожать по-быстрому.

– Еще рано ведь! – всполошилась Маша. – Срок не подошел.

– Рано – не рано, это не нам с тобой решать, на это у нас врачи имеются. – Медсестра проверила капельницу и, аккуратно притворив за собой дверь, вышла из палаты.

К вечеру Маше стало лучше, но вставать ей все рав-

но строго-настрого запретили. Пришлось просить все ту же медсестру, чтобы позвонила соседям, пристроила беспризорного Тайсона.

К обеду следующего дня в палате у Маши появилась соседка, высокая брюнетка, невероятно красивая, даже несмотря на болезненную бледность и огромный живот. Соседку звали Ликой. Они как-то сразу сблизились. Может, оттого, что они были одного возраста и у них обеих оказались схожие диагнозы.

В отличие от Маши, Лика не являлась одиночкой. У нее был муж, собственный дом за городом, спокойная и сытая жизнь. Маша стеснялась спросить, почему соседку не навещает муж и почему она, такая обеспеченная, вместо того чтобы обратиться в частную клинику, выбрала обычный роддом.

Лика сама ответила на ее невысказанные вопросы: муж в командировке за границей, а частным клиникам она не доверяет, и вообще слишком скучно лежать в одиночестве в VIP-палате, когда можно пообщаться с нормальными людьми.

Схватки у Лики начались вечером, а ближе к полуночи ее забрали в родзал. Маше не спалось. Она бесцельно бродила по пустой палате, вглядывалась в черный прямоугольник окна, беспокоилась. У Лики было такое лицо... Все боятся родов – это нормально, но в Ликиных глазах стоял не просто страх, а какая-то обреченность.

Маша вышла в коридор, прислушалась – отголоски, женский крик... Лирика?..

Сердце вдруг болезненно сжалось, перед глазами поплыл серый туман. Пошатываясь, придерживаясь за стены, Маша побрела по коридору. Она потеряла сознание, не дойдя нескольких шагов до сестринского поста...

– ...Как тебя зовут? – Настойчивый мужской голос прорывался в ее безмятежное забытие, не давал покоя, заставлял жить.

– Маша...

– Фамилия?

– Литвинова...

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три...

– Сколько видишь пальцев?

Она с трудом приподняла налитые свинцом веки – все тот же серый туман, только не однородный, а рваный. В прорехах тумана что-то маячило...

– Ну, Маша Литвинова, сколько пальцев? – снова спросил голос.

Она попыталась сосредоточиться.

– Три... Нет, четыре!

– Правильно – четыре.

– Что со мной? – Язык был сухим и таким большим, что, казалось, с трудом помещался во рту.

– Теперь уже ничего страшного. – Над ней склонился мужчина в синей хирургической шапочке и с болтающейся под подбородком стерильной маской. – Сделали мы тебе, Маша Литвинова, экстренное кесарево сечение.

Она прикрыла глаза. В мозгу занозой засела какая-то мысль, очень важная мысль... Если бы не туман... Ей обязательно нужно о чем-то спросить этого мужчину...

– Поздравляю, у тебя сын! – В поле зрения появилась та самая, уже знакомая медсестра. – Три семьсот, сорок девять сантиметров. Настоящий богатырь!

– Покажите! – Туман засветился золотым...

– Ишь, шустрая какая! Покажем, только попозже. Сейчас отдыхай, а утром принесут тебе твоего пацана.

Она думала, что никогда и ни за что не уснет. Теперь у нее есть сын, и она будет думать о нем до самого утра, до тех пор, пока не увидит. Какие у него глазки? Какие волосики? Какие ручки?

Она уснула. Золотистый туман растворился в умиротворяющей темноте.

Это было настоящее чудо! Дрожащими руками Маша прижимала к груди крошечный сверток. Малыш не плакал, только забавно гримасничал. Маше казалось, что он ей улыбается.

Их первое свидание было коротким.

– Все, мамка отдыхает, ребенок спит! – Крупная кругло-

лица медсестра забрала малыша, положила на смешную, похожую на сервировочный столик, тележку. – Молоко-то хоть есть?

Маша покачала головой.

– Ну, ничего! Ты молодая, здоровая – все будет!

– Скажите, – Маша погладила сына по щечке, – а моя соседка уже родила?

Медсестра нахмурилась.

– Родила.

– И как они с ребенком?

– Роженица хорошо, а ребеночек умер... Уж как наши врачи ни старались, а не спасли...

Не спасли... Маша вцепилась в край тележки, не в силах расстаться с сыном.

– Спокойно, мамаша, – беззлобно проворчала медсестра, откатывая от Машиной кровати тележку с ребенком. – Тебе волноваться нельзя. Молоко совсем пропадет. Вон о нем думай, – она посмотрела на младенца. – Всех не оплачешь.

Да, всех не оплачешь, но за те несколько дней, что Маша провела с Ликой, они как-то вдруг стали «нечужими»...

Они встретились на следующий день. Лика пришла к ней сама. Без своего огромного живота она казалась непривычно худой. Маша заревела первой. Лика села рядом, уткнулась лбом ей в плечо.

– Не плачь, Маш, – сказала сдавленным шепотом. – Я не

плачу, и ты тоже не плачь.

– Не буду. – Маша погладила ее по голове, тихо всхлинула.

Они сидели обнявшись. Маша ни о чем не спрашивала, Лика ни о чем не рассказывала. Привезли сына на кормление. Маша с виноватой улыбкой взяла ребенка на руки. Даже сейчас, когда у подруги случилась трагедия, она чувствовала себя безмерно счастливой. Чувствовала и винула себя за неспособность проникнуться чужим горем.

– Чудесный малыш. – Лика перестала плакать, погладила ребенка по крошечной ладошке. – Можно мне его поддержать? – спросила с робкой улыбкой. – Пожалуйста, чуть-чуть...

Сердце кольнуло. Ревность?! Маше не хотелось расстаться с сыном, не хотелось отдавать его в чужие руки, даже Ликины...

– Прости. – Наверное, Лика все поняла.

Маше стало стыдно.

– Конечно, можно. – Она протянула подруге ребенка.

– Такой маленький, такой славный. – Лика прижала малыша к груди, рукавом больничного халата вытерла навернувшиеся слезы. – Как ты его назовешь?

– Иваном.

– Иван. Красивое имя. Мне очень нравится. Привет, Ванюша!

Малыш поморщился и заревел.

– Кушать хочет. – Маша взяла сына на руки, расстегнула халат.

Ванька тут же замолчал, сосредоточенно зачмокал.

– Молока мало, – пожаловалась она.

– А у меня наоборот, – Лика улыбнулась. Улыбка получилась такой грустной, что у Маши защемило сердце. – Ребенка нет, а молоко есть. Несправедливо, правда?

Маша не знала, что ответить. Да, несправедливо, да, горько и страшно. И господи, какое счастье, что ее ребенок жив!

– Знаешь, Лика, – Маша накрыла ладонь подруги своей ладонью, – ты хорошая. Нет, ты замечательная. Может, рано об этом говорить, но если вдруг ты захочешь... – Она замолчала, подбирая правильные слова. – У Ваньки есть только я и теперь вот ты. И если ты захочешь стать его крестной...

– Я захочу! – Лика улыбалась сквозь слезы. – Ты даже представить себе не можешь, как мне этого хочется!

Они снова расплакались. Через мгновение к ним присоединился Ванька.

Лику выписали раньше. В день выписки Маша впервые увидела ее мужа. Высокий, импозантный мужчина чуть за сорок. Дорогой костюм, дорогой парфюм, стильная стрижка, очки без оправы, в руках огромный, совершенно неуместный букет роз. Мужчина холодно кивнул Маше, обнял жену за плечи:

– Поехали, дорогая.

Ли́ка, бледная и притихшая, просительно посмотрела на новую подругу.

– Не пропадай, – шепнула Маша.

– Никогда, – Ли́ка всхлипнула.

– Дорогая! – Ее муж выразительно посмотрел на часы.

– Я приеду.

– Мы с Ванькой будем тебя ждать.

– Поцелуй его за меня...

* * *

Тай встретил их радостным лаем. Несколько минут он настороженно разглядывал и обнюхивал спящего Ваньку.

– Это наш мальчик, – шепотом сказала Маша и погладила пса по голове. – Ты теперь за старшего. Не обижай его.

Тай посмотрел на нее умными, почти человеческими глазами, лизнул Ванькину ручку.

– Лизать его не надо, – всполошилась Маша. – Мы будем его купать.

Тай с виноватым видом положил голову на лапы.

– Не обижайся. Если хочешь, можешь его охранять.

Наверное, Тай воспринял ее слова слишком буквально, потому что до самого вечера не отходил от Ваньки ни на шаг. А вечером приехала Ли́ка. Вслед за ней в квартиру ввалились два мужика в синих комбинезонах.

– Ну что, хозяйка, заносить? – спросил один из них.

– Заносите! – скомандовала Лика.

За тот короткий срок, который понадобился Маше, чтобы закрыть в ванной растревоженного Тая и успокоить ревущего Ваньку, ее квартира стала похожа на отдел детского магазина. Роскошная немецкая коляска, такая, о которой она даже не смела мечтать. Кроватка с голубым балдахином. Похожие на луноход ходунки. Манеж, ворох детской одежды и несколько огромных упаковок подгузников. В отдельном пакете лежали игрушки, бутылочки, поильнички, пустышки и еще десяток разных необходимых мелочей.

– Лика, – сказала она растерянно. – Ну, зачем ты? Это же очень дорого...

– Я покупала все это еще во время беременности. – Подруга баюкала на руках притихшего Ваньку. – Мне не пригодилось. Видно, правду говорят, нельзя готовить детское приданое заранее. Я вот приготовила – и мне не пригодилось... – Она грустно улыбнулась. – Зато вам с Ванюшкой пригодится.

Они пили чай. Ванька спал в своей новой суперколяске. Тай развалился кверху брюхом посреди кухни.

– Молоко есть? – спросила Лика.

– Почти нет. – Маша покачала головой. – Делаю все возможное и невозможное, а его все равно нет. Придется, наверное, переходить на смеси.

Лика покивала каким-то своим мыслям, а потом сказала:

– Маш, ты только не обижайся. Можно я буду покупать

Ванюшке смеси? На правах крестной...

– Ты и без того очень много для нас сделала. Этого, – Маша обвела взглядом многочисленные подарки, – более чем достаточно.

– Ерунда! – Лика взмахнула рукой, на тонких пальцах сверкнули бриллианты. – У меня есть деньги, но мне не на кого их тратить. Позволь помочь вам с Ванюшкой.

– Не надо, Лика.

– Только детское питание. Для меня мелочь, а тебе уже легче. Я же знаю, сколько оно стоит. Ну, пожалуйста, лишь первое время, пока ты не сможешь работать!

– Только первое время, пока я не смогу работать, – повторила Маша, сдаваясь.

Антон первым заметил Тай.

Маша гуляла с Ванькой в парке, когда пес вдруг ощерился и зарычал.

– Ты что это? – удивленно спросила она.

– ...Ну, привет, – послышался за спиной до боли знакомый голос.

Маша вздрогнула, оглянулась. Антон выглядел хорошо: дорогая одежда, модный парфюм, лицо довольного жизнью человека. Похоже, после расставания с ней его дела пошли в гору.

– Гуляете? – Антон окинул многозначительным взглядом ее джинсовый комбинезон, оставшийся еще с беременности,

удивленно посмотрел на дорожную коляску, цыкнул на Тайсона.

– Что тебе нужно? – спросила Маша, стараясь, чтобы голос не выдавал бушевающих ее чувств.

– Да так! – Он широко улыбнулся. – Вот прогуливался с любимой девушкой, увидел старую знакомую, решил подойти.

Старая знакомая – это, по всей вероятности, она, а любимая девушка?..

Любимая девушка Антона, неземной красоты барышня, нервно гарцевала неподалеку и бросала на Машу негодующие взгляды. Маша усмехнулась, помахала барышне рукой. В ответ та пожала точеными плечами и демонстративно отвернулась.

– Видала? – Антон самодовольно усмехнулся. – Скажи – шикарная! И вообще, у меня все тип-топ. Работу вот хорошую в Питере предлагают. Наверное, соглашусь.

– Рада, что все у тебя тип-топ. – Маша вежливо улыбнулась. Не то чтобы она была так уж рада, но и переполнявшей ее раньше обиды больше не испытывала. – Чего ты от меня-то хочешь?

На мгновение самодовольное лицо Антона стало по-детски растерянным, точно он и сам не слишком хорошо понимал, чего хочет.

– А я так... Поздороваться подошел. Сколько мы не виделись? А, Маш?

– Я не считала. – Она пожала плечами, покачала коляску с проснувшимся Ванькой. – Ты не хочешь на него взглянуть? – спросила неожиданно для самой себя.

– На кого? На этого? – Антон поморщился. – А зачем? – спросил растерянно. – Зачем мне на него смотреть, Машуль? У меня все тип-топ, мне твои проблемы без надобности.

Ванька не был проблемой ни тогда, когда Маша только узнала о том, что беременна, ни уж тем более сейчас, когда он вошел в ее жизнь и раскрасил эту самую жизнь яркими красками. Ванька не был обузой. Ванька был ее мальчиком, ее любимым и долгожданным ребенком!

– Убирайся! – Маша сжала кулаки. – Уходи! Нам ничего от тебя не нужно! – Сердце колотилось зло и бешено. Проснувшийся Ванька захныкал. Тай угрожающе зарычал.

– А даже если бы и нужно было. – Антон опасливо косился на Тая, но уходить не спешил. – Даже если бы попросила, ничего не получила. Потому что я тебя предупреждал, я сразу тебе честно сказал, что не нужен мне этот твой ублюдок.

– Убирайся! – Маша уже с трудом удерживала рвущегося с поводка Тая. – Уходи, а то я за себя не ручаюсь!

– Спокойно, истеричка! – Антон попятился, развернулся и почти бегом бросился к своей спутнице. – Ненормальная! – крикнул уже с безопасного расстояния.

Маша закусил губу, обвела невидящим взглядом свидетелей этой унижительной сцены, решительно покатила коляску к выходу из парка.

Маша только-только уложила Ваньку спать, когда в дверь позвонили. Часы показывали половину десятого вечера – не самое подходящее время для визитов. Да и некому было наносить ей визиты. Все друзья и близкие знали – промежуток с девяти до десяти вечера для нее святое, в это время она укладывает Ваньку спать. Она даже телефон отключала, чтобы им никто не мешал.

В дверь продолжали звонить. Маша посмотрела на только что уснувшего сына – Ванька недовольно заворочался, но не проснулся. Она облегченно вздохнула, на цыпочках подошла к двери, заглянула в «глазок». Рассмотреть что-нибудь в полумраке лестничной площадки было трудно – лишь смутный силуэт, кажется, женский...

– Кто там?

– Открывай уж! Сколько можно гостя на пороге держать?! – послышался из-за двери скрипучий голос.

Маша понятия не имела, кому может принадлежать этот голос, но дверь все-таки приоткрыла.

– Ну, наконец-то! – Щуплая, верткая старушка, не дожидаясь приглашения, прошмыгнула в квартиру. – Я смотрю, негостеприимные вы тут, в Москве. Зажрались! – Странная гостья сердито расправила складки на крепдешиновом, лет сто назад вышедшем из моды платье, бережно положила на

полку маленькую дамскую сумочку, сняла с головы соломенную шляпку, пригладила редкие волосы, полюбовалась своим отражением в зеркале и только после этого посмотрела на вконец растерявшуюся Машу. – Вот, значит, какая ты! – Блеклые голубые глаза сощурились, тонкие губы изогнулись в насмешливой улыбке.

Маша удивленно вскинула бровь.

– Вы вообще кто? – спросила она не слишком любезно.

– И красотой не одарена, и манерам не обучена. – Игнорируя вопрос, непрошенная гостья сбросила лакированные туфли, потеряла деформированные артритом ступни, проворчала: – Чего стоишь? Хоть бы стул принесла. Замаялась я совсем по вашей Москве мотаться.

– А вы кто? – ошалело переспросила Маша.

– Конь в пальто! – беззлобно проворчала незнакомка. – Стул принесешь?

Отчаявшись получить ответ, Маша раздраженно пожала плечами, принесла из кухни табурет, поставила перед гостьей.

– Вот так-то лучше. Хотя воспитанная девица пригласила бы гостя за стол, а не держала бы его на пороге.

Из спальни, зевая во всю пасть, вышел Тай. «Вот тебе и бойцовская собака, – подумала Маша, наблюдая, как Тай щурится от яркого электрического света, – все на свете проспит, лодырь».

– Ой, батюшки! Ой, спасите! – Гостья с неожиданным для

ее возраста проворством вскочила на табурет. – Ой, сатана! Ой, чудовище! Караул!

Тай удивленно моргнул, вопросительно посмотрел на Машу.

– Да не кричите вы, – прошипела она, – ребенка разбудите!

– Ребенок! Как же я про ребеночка-то забыла?! – незнакомка всплеснула руками. – А где он, ребеночек-то?

– Какой ребеночек?

– Да, умом тебя, похоже, боженька обделил. А тот ребеночек, которого ты от моего внука непутевого родила! – Вмиг забыв о Тайсоне, бабулька спрыгнула с табуретки, схватила сухонькой ручкой Машу за запястье.

– Вы кто? – в который уже раз спросила та.

– Нет, ну точно дура! – Старушка печально покачала головой. – Я Антонина Артамоновна, бабушка Антона и, стало быть, прабабушка твоего ребеночка. Теперь поняла?

Маша покачала головой, растерянно присела на освободившийся табурет.

– Чего расселась? Хватит сидеть-то! Давай показывай мне его!

– Кого?

– Да правнука! У тебя кто, сын или дочка?

– Сын.

– Это хорошо, что сын. Сын – это продолжатель рода.

– Какого рода?

– Тьфу ты! Да нашего рода, Погореловых!

– У Ваньки моя фамилия.

– Да неважно! Псину убери, хочу с правнуком поздороваться! – Не обращая внимания на Машу и Тайсона, старушка направилась в спальню.

Тай угрожающе зарычал.

– Псину, говорю, убери!

– Тихо, Тай, – пробормотала Маша, придерживая Тайсона за ошейник.

Происходящее никак не укладывалось в голове. Она пыталась забыть Антона как страшный сон. Ей понадобился почти год, чтобы вернуть душевное равновесие после той встречи в парке. Она уже почти забыла. И тут является эта сумасшедшая старуха и требует познакомиться ее с правнуком! Неожиданно в душе поднялась мутная волна злости. Решительно встав с табурета, Маша прошла в спальню.

После электрического света темнота в комнате показалась кромешной. Со стороны Ванькиной кровати доносились странные звуки: не то хихиканье, не то всхлипывание.

– Антонина Артамоновна, – позвала она, на ощупь двигаясь к источнику звуков и на ходу включая ночник.

– Ангелочек! Ну точно Антошка в детстве! – Гостья стояла перед кроватью и не сводила взгляда со спящего Ваньки. – Грудью кормишь? – спросила, не оборачиваясь.

– Молока нет.

– Плохо. Я своего до двух лет кормила. Иваном, говоришь,

мальчонку назвала? Хорошее имя, правильное. – Антонина Артамоновна всхлипнула. – А саму-то как звать?

– Маша.

– Тоже хорошо. Чаю-то хоть нальешь с дороги?..

Они сидели на кухне друг напротив друга и в полном молчании пили свежесваренный чай.

– Ну вот что, – заговорила наконец гостья, – если ждешь, что я за Антошку стану извиняться, не жди! – Она нетерпеливо взмахнула рукой, пресекая Машины возражения. – Что у вас там с ним было, не мое дело. Сами разберетесь. У меня за мальчика душа болит. Одна его растишь?

Маша кивнула.

– Значит, так, – Антонина Артамоновна сделала большой глоток чаю, – если ты в обиде, если прогонишь, уйду. Без лишних слов уеду. Да вот прямо сейчас... – Она вопросительно посмотрела на Машу.

– Не прогоню, – сказала та устало. – Я рада, что вы... что у Ваньки появилась бабушка. Давайте, Антонина Артамоновна, я вам диван расстелю. Время позднее.

– Какая я тебе Антонина Артамоновна?! – Гостья улыбнулась, испещренное морщинами лицо сразу помолодело. – Я тебе теперь баба Тоня. Поняла? Я, конечно, девушка еще молодая, – она кокетливо поправила крашенные хной волосы, – но для тебя и Ванюшки я баба Тоня. Ты только это... при мужчинах меня бабой не называй. Тогда лучше по отче-

ству, Артамоновна.

Маша понимающе улыбнулась.

– Хорошо, Антонина Артамоновна.

– Баба Тоня.

– Хорошо, баба Тоня.

* * *

Первую неделю баба Тоня просто гостила:знакомилась с Машей, с правнуком, с Машиными соседями, с Москвой, с московскими порядками. На десятый день она уехала в Питер, в гости к Антону, но вернулась неожиданно быстро, всего через сутки. Хмурая, подозрительно молчаливая, она бросила испытующий взгляд на Машу, прошла в спальню к Ваньке. Маша затаилась на кухне, понимала – Антон ее не пощадил, наверняка сказал бабушке, что Ванька не от него. И кому поверит баба Тоня? Ей, девице, которую видит второй раз в жизни, или своему любимому внуку? Маша невесело усмехнулась, с непонятым ожесточением принялась тереть морковку для салата.

Ну и пусть не верит! Жили они сто лет без этой бабы Тони и еще столько же проживут! Она терла морковку и вытирала непрошеные слезы.

– Чего носом шмыгаешь? – послышался за спиной скрипучий голос.

– Ничего, соринка в глаз попала, – сказала она, не оборачиваясь.

чиваясь.

– Знаю я, какая соринка тебе в глаз попала. Чай, не первый год на земле живу. – Баба Тоня с Ванькой на руках обошла стол, села напротив Маши. – Ишь, как глазищами зыркает, – сказала старуха беззлобно.

Ванька радостно залепетал, ухватил бабу Тоню за крашенные кудри.

– Я своего мнения не изменю. – Она погладила мальчика по голове. – Нашей породы малец, погореловской. А то, что его папашка непутевый говорит, – она тяжело вздохнула, – наплюй! Наплюй и разотри. Мужики, они такие. Кобели неразумные. – Баба Тоня легонько пнула разлегшегося у ее ног Тайсона. Пес посмотрел на нее с недоумением, обиженно рыкнул. – Молчи, уж! И ты такой же. Все вы одинаковые. – Баба Тоня перевела взгляд с Тайсона на Машу. – Ну что, внучка, давай думать, как дальше жить.

– Как? – спросила она.

– А вот так! Ванюшку надо растить, учить, женить. Одна потянешь?

– До сих пор тянула.

– Так то до сих пор. Пацаненок растет. В общем, слушай, не перебивай...

Баба Тоня говорила, а Маша не верила своим ушам: баба Тоня собиралась растить, учить и женить Ваньку вместе с ней.

– За няньку с дитем посижу, кушать сготовлю, по магази-

нам побегаю. Пенсия у меня небольшая, зато кое-что на черный день отложено. Ты, Машка, можешь на работу пойти, когда Ванюшка малость подрастет. Лишняя копейка нам не помешает. А если замуж выйти надумаешь, ну что ж... Захочешь – останусь с вами, не захочешь – уеду.

Баба Тоня закончила свой монолог, выжидающе посмотрела на Машу.

– Спасибо! – Маша не удержалась, обняла ее за плечи. – Мы с Ванюшкой будем вам очень признательны.

На урегулирование организационных моментов ушел месяц, а потом баба Тоня прочно воцарилась в Машиной квартире и Машинном сердце.

Временами им было тяжело вместе. Очень часто их взгляды на мир оказывались диаметрально противоположными. С периодичностью раз в неделю они ссорились. Примерно один раз в месяц баба Тоня «смертельно обижалась» и принималась паковать чемодан. Но всякий раз дело заканчивалось тем, что Маша с покаянным видом просила прощения, баба Тоня выслушивала ее извинения, дулась еще минут сорок для проформы, и все становилось на свои места. До следующей ссоры...

* * *

Маша закрыла холодильник, тяжело вздохнула. Стратегические запасы практически закончились. Денег осталось на

три дня максимум. Детские она получит только через неделю, но это смешные деньги, что на них рассчитывать! Вся надежда на пенсию бабы Тони...

От мысли, что ей, молодой и здоровой, приходится рассчитывать не на собственные силы, а на пенсию пожилого человека, Маша покраснела. Теперь, когда Ванька, кажется, выкарабкался из бесконечных простуд, самое время подумать о работе.

Она и думала. Даже во сне думала...

Фирма, в которой Маша работала до родов, разорилась, и она пополнила ряды безработных. Да, она перебивалась случайными заработками. Но одно дело – случайные заказы, и совсем другое – постоянная работа.

Поиск работы оказался проблемой, масштабы которой Маша осознала в первый же день поисков, как только получила отказ сразу в нескольких фирмах. Работодатели не были заинтересованы в молодом специалисте, обремененном полуторагодовалым ребенком. Машины клятвенные заверения, что с ребенком проблем не возникнет, никого не трогали. Ей улыбались, сочувственно качали головами, но на работу не брали.

Пошла уже третья неделя Машиных мытарств. В сто первый раз услышав «в ваших услугах не нуждаемся», она почти потеряла надежду и теперь, стоя перед пустым холодильником, лютой ненавистью ненавидела себя за несостоятельность.

Скрипнула входная дверь. В кухню, поскуливая от избытка чувств, ввалился Тай, закружился у Машиных ног, заглянул в пустое нутро холодильника.

– Куда с грязными лапами?! – прикрикнула на него Маша. – Ну-ка, в ванную, мыться!

– Не кричи на него, Машка! – послышалось из прихожей. – Он теперь у нас кормилец! – В кухню, волоча на буксире упирающегося Ваньку, вошла баба Тоня.

За несколько месяцев жизни в Москве она стала настоящей столичной штучкой. Крепдешиновое платье, лаковые туфли и пахнущая нафталином соломенная шляпка канули в Лету. Нынче баба Тоня щеголяла в простеньком, но элегантном брючном костюме и туфлях на каблучке. После долгих уговоров она даже согласилась сменить цвет волос с неуместного для ее почтенного возраста рыжего на благородный платиновый.

– С каких это пор Тай у нас стал кормильцем? – поинтересовалась Маша, закрывая холодильник.

– Да вот с этих самых пор и стал. – Баба Тоня подтащила Ваньку к раковине, поставила на табурет, открыла воду. – Хоть на что-то их кобелиная порода годится.

– На что годится? – Маша подошла к раковине, проверила, теплая ли вода, принялась умывать сына.

– Да на это самое и годится! – Баба Тоня загадочно улыбнулась. – Я ему сегодня подругу сосватала для любовных утех, так сказать. В соседнем дворе живет сучка.

– Какая сучка?

– Да эта самая, для утех. У нее хозяин из этих, – баба Тоня сосредоточенно наморщила лоб, – из новых русских. Ему кобель для псины нужен. Вот я им нашего Тайсона и сосватала. А что?! Он у нас парень хоть куда! С родословной! Новый русский, как про родословную услышал, сразу загорелся. «Одолжите, – говорит, – мне вашего пса на время». Понимаешь?

Маша покачала головой. Сегодня был определенно не ее день, уж больно медленно она соображала.

– Значит, объясняю еще раз! Новому русскому – щенки от нашего Тайсона. Тайсону и сучке – удовольствие. А нам с тобой – денежки. И не лишь бы какие, а самые настоящие, американские. За триста долларов сторговалась.

– За сколько? – Маша присвистнула от удивления.

– Что? Продешевила? – всполошилась баба Тоня. – Вообще-то он мне щенка предлагал, который от любви Тайсона и евой сучки получится. Говорил, что щенка можно дорого продать. Дороже чем за три сотни. Но я подумала, когда еще этот щенок родится. А вдруг вообще ничего не получится?! Решила – пусть триста долларов, зато сразу. Я таких деньжищ отродясь не видела. Этот новый русский мне и задаток уже дал, ровнехонько сотню. Вот просто взял и достал из кошелька. Представляешь, какие деньжищи люди при себе носят?!

Маша опустила умытого Ваньку на пол, потрясенно по-

смотрела сначала на бабу Тоню, потом на развалившегося посреди кухни Тайсона.

– Тут они, денежки-то. – Баба Тоня уселась на табурет, выудила из-за пазухи стодолларовую купюру, помахала ею перед Машиным носом. – А остальное завтра, сказал, отдаст, после того, как у Тайсона и евонной сучки все сладится.

Тай поднял голову, с интересом посмотрел на бабу Тоню, тихо рыкнул.

– Вишь, понимает! Даром, что на четырех лапах. Лучше иного мужика соображает. – В голосе бабы Тони послышались уважительные нотки. – Пойдем с тобой завтра, Тай, бизнес делать. А ты чего молчишь? – она посмотрела на Машу. – Язык проглотила или не рада?

– Рада.

– Что-то по тебе не видно.

– Мне сегодня в шести местах отказали.

Баба Тоня покачала головой, сказала преувеличенно бодро:

– В шести отказали, в седьмом возьмут.

– Боюсь, в седьмом тоже откажут. Я тут подумала, – Маша тяжело вздохнула, погладила сына по белокурой головке, – надо планку снижать.

– Это как?

– Буду искать работу не по специальности, продавцом на рынке или уборщицей.

– С ума сошла! – ахнула баба Тоня. – Куда ж тебе в убор-

щицы с высшим-то образованием?! Зря, что ли, пять лет в институте корячилась?!

Маша пожала плечами. Конечно, идея пойти работать уборщицей, нравилась ей не больше, чем бабе Тоне. Конечно, у нее было высшее образование, и горор, и чувство собственного достоинства. Но еще у нее был сын, баба Тоня и Тайсон... и она чувствовала себя ответственной за них.

– Еще месяц поищешь нормальную работу, а потом, если не найдешь, можешь уборщицей устраиваться, – прервала ее размышления баба Тоня. – Я вот тут подумала, может, мы будем нашего Тайсона напрокат сдавать? За деньги или за щеночков? Хороший бизнес получится.

Маша хотела было возразить, что не всякий согласится платить такие же большие деньги за «услуги» Тайсона, но окрыленная новой идеей баба Тоня уже вышла из кухни. Маша невесело улыбнулась, налила Ваньке молока, высыпала в миску Тая остатки собачьего корма, потянулась за туркой, но вспомнила, что кофе кончился еще вчера утром.

– Баба Тоня! – позвала она.

– Чего тебе? – послышалось из недр квартиры.

– Можно деньги тратить, которые вы с Таем заработали? Продукты на исходе.

– Да трать ты! Что я, для себя, что ли, старалась? Ваньке фруктов купи, Таю чего-нибудь вкусенького, заслужил. И кофе купи. Знаю, что ты уже весь кофе попила.

Маша снова улыбнулась, на сей раз почти счастливой

улыбкой. Все-таки хорошо, что у них есть баба Тоня. Как они вообще без нее раньше жили?! Повинуясь внезапному порыву, Маша подошла к сидящей перед телевизором женщине, обняла ее, поцеловала в щеку.

– Это что еще за щенячьи нежности? – баба Тоня сердито посмотрела на нее поверх очков.

– Это я так. – Маша смутилась. – Спасибо вам.

– Спасибо на хлеб не намажешь. Бери деньги и ступай, – баба Тоня на мгновение задумалась, махнула рукой: – И чего уж там, купи-ка ты нам граммов двести шоколадных конфет. Страсть как хочется чайку с шоколадными конфетами...

Они пили чай с конфетами, когда в дверь позвонили.

– Небось Анжелка твоя, – недовольно проворчала баба Тоня.

Она невзлюбила Лику с самой первой встречи, и Маша никак не могла понять причину этой странной неприязни. «Вот не нравится мне эта Анжелка, и все тут, – упрямо повторяла баба Тоня, – не нашего она поля ягода. Ванюшку зря балует, к роскоши с младенчества приучает. Ну и что, что она его любит?! Пусть своего родит и любит!»

Объяснять, что «своего» у Лики после тех трагических родов никогда не будет, что что-то там нарушилось в ее организме, и теперь она бесплодна, не имело смысла. Баба Тоня упрямо качала головой и доводов Маши не слушала. Наверное, причина этой странной неприязни – банальная рев-

ность, нежелание делить своего «драгоценного Ванюшку» с «какой-то там богачкой», но все равно неприятно и перед Ликой неудобно. К счастью, подруга проявляла чудеса терпимости, к «заскокам» бабы Тони относилась с пониманием, была с ней вежлива и предупредительна. Даже колкости в свой адрес выслушивала с улыбкой.

Маша немного завидовала умению Лики «держать лицо». У нее самой «держать лицо» получалось не всегда. Да что там, чаще не получалось, чем получалось. Наверное, дело тут в чувстве собственного достоинства или в чем-то еще, что дается или не дается от рождения. У Лики это «что-то» было, а сама она всякий раз срывалась на глупые бабьи слезы, теряла лицо...

– Чего сидишь? – проворчала баба Тоня. – Иди дверь открой богачке своей.

Маша бросила на нее укоризненный взгляд, встала из-за стола.

Баба Тоня оказалась права – на пороге действительно стояла Лика.

– Привет! Ничего, что так поздно? Ванюшка еще не спит? – спросила она, целуя Машу в щеку.

– Привет. Ты не поздно. Ванька еще не спит, – улыбнулась Маша.

– Ика! Ика! – Из кухни донесся радостный Ванькин визг, послышалось топанье маленьких ножек, и в прихожей появился Ванька собственной персоной.

– Ах, ты мой зайчик! – Лика подхватила малыша на руки, принялась целовать перемазанную кашей мордашку.

– Испачкаешься, – предупредила Маша.

– А, ерунда! – отмахнулась подруга. – Ну, как вы тут, мои хорошие?

– Все хорошо.

– А я с новостями! – Не спуская довольного Ваньку с рук, Лика прошла на кухню. – Здравствуйте, Антонина Артамоновна.

– Ну, здравствуй, раз пришла, – отозвалась баба Тоня.

– Баба Тоня... – зашипела Маша.

– А что – баба Тоня?! Время-то позднее, чего на ночь глядя по гостям шляться?

– Антонина Артамоновна права. – Лика невозмутимо улыбнулась, присела за стол, пристроила Ваньку у себя на коленях.

– Чай будешь? – Маша пыталась загладить бестактность бабы Тони.

– Буду, – Лика снова улыбнулась. – А вы, Антонина Артамоновна, не переживайте. Я по делу зашла, всего на пару минут.

– Какие у тебя могут быть дела? – пренебрежительно фыркнула баба Тоня.

– А я не по своим, я по Машиным делам зашла. – Лика потянулась за чашкой с чаем.

– Куда?! – сорвалась с места баба Тоня. – С дитем на руках

собралась кипятком пить?! Ну-ка, давай Ваньку сюда, бестолковая! Еще ошпаришь пацаненка! – Она подхватила на руки протестующего Ваньку, отошла к окошку.

Ли́ка бросила быстрый взгляд на Машу. В ответ та лишь виновато пожала плечами. Иногда баба Тоня становилась до ужаса вредной, и в такие моменты спорить с ней было бесполезно.

– Пей чай, – сказала Маша примирительно. – Есть конфеты. Будешь?

– Спасибо, я только чай. – Ли́ка улыбулась, но по глазам было видно, что выходка бабы Тони ее расстроила. Похоже, и в ее броне есть бреши. – Как дела с работой? – спросила она после небольшой паузы. – Есть новости?

– Мать-одиночка с маленьким ребенком на руках никого не интересуется. Пойду работать на рынок или дворником, если по профилю устроиться не удастся. А может, в дворники матерей-одиночек тоже не берут?

Баба Тоня выразительно хмыкнула, но промолчала.

– Я тебе работу нашла, – сказала Ли́ка, – по профилю и с приличной зарплатой. Хочешь?

Конечно, Маша хотела! В ее положении было грех отказываться от какого бы то ни было предложения.

– Спасибо, Ли́ка. А что за фирма?

– Там не то чтобы фирма, там целый холдинг. Называется «Трио». Может, слышала?

Еще бы она не слышала! Реклама этого самого «Трио»

не сходила с экранов телевизоров. Растяжками и щитами с его логотипом пестрила вся Москва. Но вот вспомнить, чем конкретно занимается холдинг с незатейливым и каким-то непрезентабельным названием «Трио», Маша не смогла, как ни старалась.

– У них широкий круг интересов. – Лица, казалось, читала ее мысли. – Сырье, строительство, перевозки, благотворительность.

– И чем скромный программист вроде меня может заинтересовать такого монстра, как холдинг «Трио»?

– Своими профессиональными качествами. Чем же еще?

– Не темни, Лица. До сих пор мои профессиональные качества никого не заинтересовали. У тебя в этом «Трио» кто-то знакомый работает? Наверное, в компьютерном отделе, да?

– Ну, в общем, да, – сказала Лица как-то не слишком уверенно. – Только не тяни с решением. Сама понимаешь, свято место пусто не бывает.

– А чего это ты так стараешься? – встряла в разговор баба Тоня. – Работу-то хоть законную Машке предлагаешь? А то мало ли что!

– Баба Тоня! – не удержалась Маша.

– Молчи уж! Большие деньги сейчас только за криминал платят. Порядочные люди много не зарабатывают.

– Сами же сегодня триста долларов заработали, – напомнила Маша.

– Так то ж я! Меня не проведешь! А ты дуреха доверчивая. Тебя любой облапошит.

– Ли́ка не любой, она моя лучшая подруга! Да и сама я не такая уж и доверчивая. Ли́ка, когда мне нужно на собеседование подойти?

– Не позднее следующей недели, а лучше уже на этой. Только, – подруга замялась, виновато посмотрела на Машу, – давай сначала сходим к моему стилисту. Ты не обижайся, пожалуйста, но с твоими волосами надо что-то делать.

У окна снова многозначительно фыркнула баба Тоня. Маша вздохнула. С волосами действительно надо что-то делать. Вопрос лишь в том, сколько это будет стоить.

– О деньгах не беспокойся. Я тебе дам взаймы, в счет будущей зарплаты.

– Не надо ей ничего занимать! – приосанилась баба Тоня. – Есть у нас деньги на твоего стилиста, чай, не бедствуем!

Маша вспомнила пустое нутро холодильника, но промолчала.

– Сто долларов тебе на марафет хватит? – спросила баба Тоня тоном доброй феи.

Маша хотела было поинтересоваться, где она возьмет эти сто долларов, когда в разговор вмешалась Ли́ка.

– Сто долларов определенно хватит. Еще и сдача останется, – заверила она бабу Тоню.

– А хоть и не останется! Нам-то что? Нам без разницы, – проворчала та.

– Вот и хорошо! – Лику улыбнулась баба Тоне, сделала «козу рогатую» Ваньке. – Значит, завтра в десять утра мы идем к стилисту, а послезавтра – знакомимся с работодателем.

– Ох, не нравится мне эта твоя подруга! Нахлебаешься ты с ней! – проворчала баба Тоня, когда за Ликой закрылась дверь.

– Глупости! – отмахнулась Маша.

– А я говорю – нахлебаешься! – упрямо повторила баба Тоня. – И чего она, такая богатенькая и красивенькая, к тебе таскается?! Какая она тебе подружка?! Деньги к деньгам плывут. А с тебя, Машка, чего взять?

Спорить с бабой Тоней не хотелось, тем более в свете предстоящих перемен. Неужели фортуна повернулась к Маше лицом и у нее наконец появится нормальная работа?! Вполуха слушая ворчание бабы Тони, Маша расстелила постель, передела ко сну Ваньку. Поняв, что ее обличительные речи никто всерьез не воспринимает, старушка замолчала и вышла из спальни. Обиделась.

Обычно Маша спешила извиниться, сгладить острые углы, потому что по опыту знала – с бабой Тоней мириться нужно как можно быстрее. В противном случае та будет дуться, ходить с оскорбленным видом и изводить ее гробовым молчанием. Но взбудораженный приходом Лики Ванька капризничал, не хотел укладываться спать. Маша вышла

из спальни только в одиннадцатом часу, на цыпочках прокралась в гостиную, в темноте, почти на ощупь, добралась до дивана, на котором спала или делала вид, что спит, баба Тоня.

– Баба Тоня, – позвала шепотом.

Ответом ей стала тишина. Маша пожала плечами, направилась к двери.

– Там на комодке деньги, – послышалось за спиной. – Только выбери самую лучшую парикмахершу. Не вздумай к неумехе какой пойти. Только самую лучшую, за такие-то деньжищи...

– Спасибо, – шепотом сказала Маша.

– Иди уж, непутевая... – Пружины старого дивана сердито скрипнули.

«Вот и помирились», – подумала Маша с облегчением.

* * *

– Все, приехали. – Лика остановила машину напротив старинного или стилизованного под старину трехэтажного особняка.

Маша с неохотой выбралась из уютного, вкусно пахнущего Ликиными духами салона, украдкой вытерла о юбку вспотевшие ладони, со страхом посмотрела на особняк, служащий холдингу «Трио» центральным офисом.

– Не волнуйся, все будет хорошо. – Лика ободряюще

улыбнулась.

– Я не волнуюсь. – Маша тряхнула головой, почувствовала, как по шее пробежал ветерок, осторожно коснулась кончиками пальцев своего коротко стриженного затылка. Ощущение было, мягко говоря, неожиданное: гладкий шелк волос вместо привычной жеваной пакли. Ликин стилист не подвел, сотворил с ее бедной головой почти невозможное. Он колдовал долго, Маше показалось – больше двух часов. Стрижка короткая, почти мальчишеская. Цвет – благородный коньяк. Мейк-ап с максимальным акцентом на глаза. Маша не стала в одночасье красавицей, но в ней появилось нечто. Стилист называл это сексапильностью. Лика назвала это шармом. А Маша так до сих пор и не определилась, что же это такое.

Привыкать к новому имиджу, дерзкой, немного легкомысленной стрижке, глазищам вполлица, беззащитно открытым и по-детски розовым ушам, было тяжело. Точно и не ее это вовсе – волосы, глаза, уши. Странное ощущение, будоражащее. словно она влезла в чужую шкуру: красивую, модную, но чужую. А тут еще это собеседование...

Маша убеждала себя, что бояться не нужно, что все будет хорошо, что Лика обо всем договорилась, но все равно боялась. Безумно, до дрожи в коленках. Вот оно – ее неумение «сохранять лицо».

– Ну, пошли! – Лика щелкнула брелком сигнализации, потянула Машу к крыльцу, на котором в расслабленной позе

стоял парень, несмотря на жару, одетый в строгий костюм. Наверное, охранник. Парень проводил их цепким, изучающим взглядом.

– Не обращай внимания, – шепнула Лика, удостоив охранника едва заметным кивком.

– Я и не обращаю. – Маша из всех сил старалась выглядеть независимой. Такой, как Лика.

В просторном холле царила кондиционированная прохлада.

– Нам туда! – Не замедляя шаг, Лика направилась к лифту, то ли хорошо отреставрированному, то ли удачно стилизованному под старину. Всего три этажа – и лифт!

Они вошли в кабину, отделанную полированными деревянными панелями. Лифт тронулся с тихим, совершенно не раздражающим дребезжанием. Наверное, он мог бы работать абсолютно бесшумно. Наверное, дребезжание тоже стилизовано под старину. Интересно, каким должен быть хозяин всей этой красоты?

Воображение тут же нарисовало мужчину, еще молодого, но с налетом искусственной старины, этакой благородной патины, высокого, с серебром в волосах...

Впрочем, что ей до хозяина? Нет, не так, что хозяину до нее, рядовой компьютерщицы? Он даже не подозревает о существовании какой-то там Маши Литвиновой. Не царское это дело! Ей предстоит собеседование с кем-нибудь, кто рангом значительно ниже, максимум, с начальником отдела.

Лифт остановился, с мелодичным треньканьем открылся. Маша ступила на желто-коричневый, цветом похожий на мокрый пляжный песок ковер и едва поборола желание разуться, чтобы не запачкать эту «пляжную красоту». Ей всегда казалось, что ковры в присутственных местах – это непрактично и неуместно.

– Не волнуйся. – Лика слегка коснулась ее локтя.

Маша кивнула, сделала шаг – каблук тут же утонул в ворсе.

Ковер цвета мокрого песка вывел их к просторной, залитой солнечным светом приемной.

Рабочий стол с выключенным компьютером, коммуникатором и ровными стопками пластиковых папок. Офисный стул, небрежно задвинутый в угол. Пасторальные картины на стене, прямо над кожаным диваном для посетителей. Живые цветы в вазе богемского стекла на изящном столике. Все дорого, уютно, стильно. Вот только хозяйки этого стильного великолепия нигде не видно. Наверное, отлучилась выполнять поручения Большого босса.

От мысли, что за массивной дверью находится кабинет не какой-то там мелкой сошки, а именно Большого босса, желудок свело судорогой, ладони опять взмокли.

– К кому ты меня привела? – Маша бросила на подругу беспомощно-осуждающий взгляд.

– К хозяину этой конторы. – Лика беззаботно пожала плечами. – Точнее, к одному из хозяев.

– А сколько их всего?

– Три. – По безмятежному Ликиному лицу пробежала тень. – Раньше было три, а сейчас только два. Один из них мой хороший знакомый, он с радостью предоставит тебе работу.

– Так уж прямо и с радостью?! – Маша скептически хмыкнула.

– Успокойся.

– Я спокойна. Только, знаешь, я к встрече с финальным боссом не готовилась. Ну не рассчитывала я, что мне будет оказана такая высокая честь! – Маша выразительно посмотрела на закрытую дверь. – Мне бы с кем-нибудь не столь представительным пообщаться.

– Тебе работа нужна? – Лица едва заметно нахмурилась.

– Нужна.

– Тогда доверься мне. Иван нас уже ждет.

– Иван? – То, что Большого босса зовут так же, как и ее сына, показалось Маше добрым знаком. Да и вообще, ну не съест же он ее, в самом деле!

– Готова? – спросила Лица.

Вопрос прозвучал так, словно Маша собиралась войти не в кабинет добросердечного олигарха Ивана, из чистого альтруизма согласного облагодетельствовать неизвестную девушку, а в клетку с диким зверем. Ей вдруг стало смешно. Скорее всего, это было нервное – нестандартная реакция на стрессовую ситуацию.

– Тогда вперед! – Лица распахнула перед ней дверь.

Маша сделала глубокий вдох, улыбнулась отчаянной улыбкой и переступила порог.

После светлой приемной глаза не сразу привыкли к полумраку, царящему в кабинете. Стало неудобно, словно с заливого солнцем пляжа она шагнула напрямиком в склеп. Маша моргнула, привыкая к резкой смене освещения.

– Здравствуйте, дамы! – Вежливо-холодный и, как ей с перепугу показалось, не слишком приветливый голос доносился из самых недр склепа.

Перестав наконец моргать, Маша посмотрела на вставшего из-за стола мужчину. Сначала это был просто силуэт, серая тень на стене. А потом она разглядела своего будущего работодателя...

Знакомый Лики, добросердечный олигарх Иван, альтруист и меценат, оказался тем самым желчным мужиком со злыми глазами и дребезжащим от раздражения голосом, который совсем недавно обозвал Машу дурой. Судьба-злодейка снова сыграла с ней злую шутку, забросила не в кабинет к сердобольному дяденьке, а в клетку к зверю. Может, и не дикому, судя по интерьеру клетки, но достаточно опасному.

Только бы не узнал! Кто она такая? Пыль на его ботинках ручной работы. Не узнает...

Самовнушение, или самообман, подействовали. Маша взяла себя в руки и перестала наконец улыбаться, как воспитанница садика для умственно отсталых.

Без Аннушки было тяжело. Не в том смысле, что некому было варить ему кофе по утрам, отвечать на телефонные звонки и ополаскивать пепельницу каждые полчаса. Последнее, кстати, его больше бесило, чем умиляло, но в этом была вся Аннушка, с ее пониманием своих служебных обязанностей. Теперь, когда Аннушку положили в НИИ онкологии, в его рабочем пространстве образовался вакуум, который раньше заполняла не слишком организованная и чрезмерно заботливая секретарша.

Серебряный понимал, что рак груди для тридцатилетней женщины – это почти приговор. Даже если ей удастся сохранить жизнь, то грудь ей не сохранить – это факт. Женщины – странные существа. Им кажется, что в восприятии мужиков они состоят исключительно из бюста и ног. Лишиться одной из составляющих для них хуже смерти. И Аннушка не исключение.

Она держалась, ни о чем не рассказывала, ни на что не жаловалась. О ее страхах и глупых бабьих комплексах по поводу утраты сексуальной привлекательности в глазах всех мужчин и любимого мужа в частности рассказал Серебряному Степан, его бессменный водитель и муж Аннушки.

Вообще-то, Серебряный не терпел панибратских отношений, с подчиненными всегда соблюдал дистанцию, но горе

Степана было таким безысходным, едва ли не бóльшим, чем горе самой Аннушки, что на сей раз он сделал исключение – после трудового дня велел ехать не домой, а в кабаk. Там Серебряный потратил два часа на то, чтобы напоить ошалевшего Степана водкой и выяснить, в чем тот видит корень зла.

Проблема сводилась к одному: Аннушка переживает за свою привлекательность, а Степан переживает за Аннушку, потому что рак – это не хухры-мухры, а они еще только жить начали, о детях только задумались...

Серебряный внимательно выслушал все доводы, отвез пьяно всхлипывающего Степана домой, сделал несколько звонков в НИИ онкологии, оставил рядом с бесчувственным телом водителя бутылку водки на опохмел и отправился колесить по ночному городу... Ему всегда хотелось уравновесить совершенно доброе дело чем-нибудь менее благородным, иногда даже вовсе неблагородным. Это происходило не из-за космической черноты бессмертной души Ивана, а от стремления к равновесию, этакой вселенской гармонии. Хорошего и плохого должно быть поровну. А иначе все – кирдык!

Наверное, восстанавливая вселенскую гармонию, он немного перестарался, потому что впервые за последние пять лет не смог вспомнить, как именно он эту гармонию восстанавливал. Судя по колоколом гудящей голове, без экспериментов с алкоголем не обошлось. Судя по перепачканной губной помадой рубашке, без женщины не обошлось.

Судя по измятым простыням, без секса тоже не обошлось. Судя по отсутствию посторонних личностей в его квартире, повел он себя не как джентльмен и среди ночи выставил прекрасную незнакомку за дверь. Пожалуй, последний поступок снова сдвинул равновесие в сторону зла, но голова болела так сильно, что Серебряный решил не заморачиваться. Обычно он не был груб с дамами и наверняка хорошо заплатил ночной гостье за причиненные неудобства. В итоге после недавнего загула Серебряного тревожила лишь головная боль, да и та после двух таблеток аспирина стала терпимой и почти родной.

Аннушки на рабочем месте не было. Да и с чего бы ей там находиться, если он собственноручно вчера хлопотал за нее в НИИ онкологии? Аннушка теперь под присмотром самых лучших врачей, и к исполнению своих профессиональных обязанностей наверняка вернется еще не скоро. Серебряный сложил разбросанные по Аннушкиному рабочему столу папки в аккуратные стопки, сварил себе кофе и с головой ушел в трудовой процесс.

Нет, все-таки без секретарши тяжело! Уже к одиннадцати он замучился отвечать на бесконечные телефонные звонки, в двенадцать твердо решил, что Аннушку срочно необходимо кем-нибудь заменить, а в час дня пришла Лика и приволокла свою протезе.

Он узнал ее не сразу. И не из-за короткой стрижки и строгого костюма, а из-за этой ее дебильной улыбки вполлица.

Разве можно так улыбаться?! Или теперь так принято – с первой минуты знакомства косить под дурочку? Серебряный порылся в памяти – определенно, такое поведение во все времена считалось идиотским. А чего можно ждать от дурынды, бросающей маленького ребенка на попечение бешеного ротвейлера?! Неприятные воспоминания усилили почти исчезнувшую было головную боль. Серебряный поморщился.

– Здравствуйте, дамы, – сказал он, пожалуй, чуть суше, чем того требовал этикет.

– Добрый день, князь Серебряный. – Лица ослепительно улыбнулась, поцеловала его в щеку.

От нее пахло французскими духами и отчаянием. Серебряный накрыл ее ладонь своей, заглянул в глаза. Он знал причину этого отчаяния. Знал и ничем не мог помочь.

Лица вздрогнула, слегка отстранилась. Ее улыбка поблекла.

– Ты же не забыл о моей просьбе?

– Ну что ты?! Как я мог забыть!

Серебряный врал. Конечно, он забыл. Без Аннушки, которая была его «говорящим ежедневником», Серебряный мог помнить только о самом важном. Трудоустройство дуры, в нерешительности топчущейся сейчас на пороге его кабинета, к разряду «самое важное» не относилось. Если бы не Лица, он бы, не раздумывая, выставил претендентку за дверь.

Но Лица... Лике Серебряный отказать не мог.

Девушка перестала улыбаться, испуганно захлопала ресницами.

«Вот и свиделись!» – злорадно подумал Серебряный и сам удивился своему злорадству. Можно подумать, с этой перепуганной гусыней его связывает не мимолетная, не стоящая воспоминаний встреча, а долгие и сложные отношения. Это казалось по меньшей мере странным. Серебряный был скуп на эмоции и редко делился ими даже с близкими людьми. Посторонние же для него оставались просто фоном. Разве можно испытывать к фону какие-то чувства?

Оказывается, можно. Девушка определенно его раздражала. Скорее всего, дело даже не в ней самой, а в тех болезненных воспоминаниях, которые породила их предыдущая встреча. Серебряный пытался их похоронить, а эта улыбающаяся дурочка, сама того не ведая, выдернула их на свет божий. С мясом, с кровью выдернула... За такие вещи не говорят спасибо.

Усилием воли он подавил растущее раздражение и улыбнулся девушке. Наверное, улыбка получилась так себе, потому что в ответ та поежилась, словно от холода. Серебряный удовлетворенно кивнул.

– Присаживайтесь, дамы, – сказал он официальным тоном.

– Спасибо. – Лица выразительно посмотрела на свою протеже. – Маша, ну иди же сюда! Он совсем не страшный. Я вас сейчас познакомлю.

Похоже, в то, что он совсем не страшный, девица не поверила. Несколько мгновений Серебряному казалось, что она не сдвинется с места никогда, так и останется стоять живой статуей на пороге его кабинета. Он многозначительно усмехнулся и переключил внимание на Лику. Этого хватило, чтобы девица обрела наконец способность двигаться. Краем глаза Серебряный видел, как она осторожно, точно по топи, подходит к его столу.

– Познакомься, Маша, это Иван Матвеевич Серебряный, мой хороший друг и твой будущий шеф.

– Здравствуйте. – У нее оказался низкий, с хрипотцой голос. При их первой встрече никакой хрипотцы не было и в помине.

Волнуется. И есть с чего. Серебряный задумчиво посмотрел на протянутую ладошку. На длинных пальцах никаких колец, ногти коротко подстрижены, покрыты бесцветным лаком. Интересно, она действительно думает, что он станет жать руку первому встречному?

Наверное, девица прочла его мысли, потому что залилась краской не то стыда, не то злости, спрятала руку за спину.

– Меня зовут Мария Андреевна Литвинова. – В ее голосе прибавилось хрипотцы. От этого он стал весьма чувственным. С таким голосом работать бы ей диктором на радио или, на худой конец, промышлять сексом по телефону. От клиентов не было бы отбоя.

– Ну, вот и познакомились! – сказала Лика преувеличенно

бодрым голосом, бросив на Серебряного удивленно-неодобрительный взгляд. – Может, угостишь нас кофе? Или сразу к делу?

– Лучше сразу к делу, с кофе у меня напряженка. – Он виновато улыбнулся. Улыбка предназначалась только Лике. – Остался без секретарши.

– Незадача. – Лика усмехнулась, грациозно присела на стул, потянув за собой Марию Андреевну Литвинову. Та тяжело, точно не молоденькая девушка, а столетняя старуха, плюхнулась на соседний стул, метнула в Серебряного острый, как лезвие, взгляд. Ишь, злится...

...Она не сумела удержать лицо – потеряла его, как только переступила порог этого проклятого, похожего на склеп кабинета. Большой босс ее узнал, Маша почувствовала это по его насмешливо-брезгливому взгляду. Как его назвала Лика? Князь Серебряный?

Точно князь! Надменный, спесивый средневековый феодалышка. Не князь даже, а князек. Наверное, полжизни тренировался смотреть на людей вот так, как сейчас смотрит на нее, – точно она пустое место, никто. Впрочем, для него Маша действительно никто. И то, что за нее просит Лика, ничего не изменит. Она чуть не умерла от стыда и унижения, когда он отказался пожать протянутую руку. Стоять с протянутой, точно за милостыней, рукой...

Она бы, наверное, и умерла, если бы Лика не отвлекла

князя светской беседой, давая ей возможность поднять с пола «уроненное лицо», отряхнуть его от пыли и кое-как приладить на место. Ничего уже не исправишь! Важно первое впечатление, а свое первое впечатление этот надменный князек составил о ней еще тогда, когда, сжимая в дрожащих губах сигарету, обозвал дурой.

Странно, но эти малоприятные воспоминания придали Маше сил. Она вдруг с отчетливой ясностью поняла, что тогда, при их первой встрече, господин Серебряный тоже потерял лицо, и теперь просто отыгрывается на ней, свидетельнице его мимолетной слабости. На работу он ее теперь точно не возьмет. Зачем ему? Получается, из потенциального работодателя, из великого князя Серебряного для нее, Маши Литвиновой, он автоматически превращается в обычного гражданина. Можно сказать, теперь он для нее тоже никто. Значит, можно расслабиться...

– Не возражаете, если я закурю?

Маша недоуменно посмотрела на сидящего напротив мужчину. Не возражает ли она?! Можно подумать, его волнует ее ответ.

– Тогда я тоже, за компанию!

Лица достала из сумочки сигареты. Серебряный предупредительно щелкнул зажигалкой. Она благодарно кивнула в ответ, глубоко затянулась. По кабинету поплыл сизый табачный дым. Маша почувствовала себя лишней на этом никотиновом междусобойчике, но не расстроилась. После то-

го как Его Княжество был мысленно послан ко всем чертям, жить стало легче, жить стало веселее. И сохранять лицо тоже оказалось намного проще.

Она огляделась. Кабинет у Князя был ничего, стильный такой кабинет. Чувствовалась кропотливая работа хорошего дизайнера. Вот только присутствия хозяина не чувствовалось – не кабинет, а гостиничный номер, дорогой, но безликий. Впрочем, не совсем безликий. Опущенные жалюзи, например, настораживают. На улице благодать, лето, солнце, а тут – полумрак. Может, Его Княжество состоит в отдаленном родстве с графом Дракулой? То, что попить человеческой кровушки он не дурак, видно невооруженным глазом. Не в буквальном смысле, конечно, а в фигуральном. Хотя чем черт не шутит...

– Я сказал что-то веселое? – Он смотрел на нее в упор и даже не пытался скрыть раздражение.

– Простите, – Маша вежливо улыбнулась, – я потеряла нить разговора.

На лице несостоявшегося работодателя отразилось такое изумление, что за собственное уроненное лицо теперь можно было не переживать.

– Хотите, чтобы я повторил?

– Если вас не затруднит.

...Контролировать себя становилось все труднее. Метаморфоза, внезапно произошедшая с этой безмозглой курицей, бесила Серебряного все сильнее и сильнее. Сначала она

вела себя как готовящаяся к первой брачной ночи девственница, краснела, бледнела, собиралась упасть в обморок, и вот вам, пожалуйста, – сидит с невозмутимым видом, крутит башкой по сторонам и совсем его не слушает. А от него, между прочим, зависит ее будущее... Нет, ну точно клиническая дура! А зачем ему, скажите на милость, дуры в компьютерном отделе?!

– Мы тут рассматривали варианты вашего трудоустройства, Мария Алексеевна, – процедил он сквозь стиснутые зубы.

– Андреевна, – поправила она и закинула ногу за ногу.

– Не понял?

– Меня зовут Мария Андреевна.

– Не суть важно.

– Ну, это как посмотреть.

– Давайте посмотрим на это с моей позиции, с позиции работодателя.

– Хорошо, давайте! – Девушка кивнула и провела кончиками пальцев по своим коротко стриженным волосам.

Да что же это такое! Раздражение, которое она в нем вызвала, медленно, но неуклонно трансформировалось в бешенство. Давно забытое ощущение будоражило, электрическими импульсами пробегало по нервам. Даже немногочисленным врагам, даже многочисленным конкурентам Серебряного не удавалось привести его в бешенство, а этой пигалице удалось. Ну, почти удалось...

– В нашей компании очень высокие требования к персоналу. Чтобы попасть к нам на работу, нужно соответствовать ряду критериев. Вы меня понимаете, Мария э... Андреевна?

Девушка вежливо улыбнулась в ответ.

– Замечательно, – Серебряный тоже улыбнулся. – Обычно я советуясь с начальником отдела кадров, но в вашем случае рискну принять решение самостоятельно.

Ее взгляд стал чуть более заинтересованным, мочки ушей порозовели. Зацепил!

– Я, знаете ли, склонен доверять своему жизненному опыту и интуиции, и они говорят, что, принимая вас на работу, я совершаю большую ошибку.

Она ничего не ответила, лишь кивнула каким-то своим мыслям. Серебряный поймал изумленный взгляд Лики, достал еще одну сигарету, закурил.

– На сегодняшний день на рынке труда полно квалифицированных кадров. Согласитесь, у меня нет никакого резона брать на работу молодую, неопытную барышню, когда к моим услугам...

– ...Пожилые, опытные джентльмены, – закончила она за него, отмахиваясь от возмущенно-потрясенного шипения Лики.

– Рад, что мы с вами так хорошо понимаем друг друга. – Серебряный откинулся на спинку кресла, посмотрел на свою визави почти отеческим взглядом.

– Иван, – тихо сказала Лика, – ты же обещал.

– Обещал, – легко согласился он. – И я привык держать свои обещания. Я обещал трудоустроить э... Марию Андреевну, и я ее трудоустрою.

Вот теперь на ее нескладной мордашке появилось удивление. Все ее напускное равнодушие как ветром сдуло.

– Программисты мне не нужны, – продолжил Серебряный, – на данном этапе я нуждаюсь в услугах... секретарши.

Наблюдать, как меняется выражение ее лица, было сплошным удовольствием. Даже головная боль прошла.

– Секретаршей?! – Лица пришла в себя первой. – Иван, но Маша программист!

– Вот и хорошо! – Он скрестил руки на груди. – Значит, при работе с компьютером у нее не возникнет никаких проблем, а все остальное – дело техники. Моя прежняя секретарша не имела высшего образования, и ничего, прекрасно справлялась. Ну, так что, Мария Андреевна, вы согласны?

– Этот вариант меня не устраивает.

Серебряный едва не поперхнулся дымом. Не устраивает ее этот вариант, понимаешь!

– Сожалею, – он развел руками, – но замы у меня уже есть, и они меня полностью устраивают. Возможно, вы измените свое решение, после того, как мы обсудим условия оплаты.

Серебряный и сам не понимал, зачем начал эту игру. По здравом размышлении такая секретарша ему на хрен не нужна. Это не секретарша, а хроническая головная боль, постоянный раздражитель на рабочем месте. А на рабочем ме-

сте раздражаться никак нельзя. На рабочем месте надо заниматься исключительно работой...

– Вряд ли зарплата секретаря соизмерима с зарплатой программиста.

Все-таки зацепило! Она уже торгуется.

– Это зависит от того, на кого работать.

– Извините, что отняла ваше время...

– Две тысячи долларов, плюс премиальные!

Вот теперь на нее точно стоило посмотреть. Она даже похорошела от происходящей в ней внутренней борьбы. Боролись гордость и жадность. Серебряный почти наверняка знал, чем закончится эта борьба. За свою жизнь он не раз становился свидетелем таких вот поединков. Иногда он оставался сторонним наблюдателем, иногда сам оказывался перед выбором.

Тишина, царящая в кабинете, сделалась почти осязаемой. Серебряный ждал.

– Хорошо! – сказала Мария Андреевна Литвинова.

Вот, что и требовалось доказать! Он купил эту дуреху с потрохами. Всего за две штуки баксов. Конечно, она не стоит таких денег и наверняка никогда их не отработает, но это неважно. Важно, что уже давно он не получал такого удовлетворения от покупки. Даже, когда в прошлом году покупал яхту, а в позапрошлом – скромный особняк в центре Лондона. Наверное, дело в том, что Мария Андреевна Литвинова прекрасно осознает, что он ее купил. Наверное, дело в том,

что продалась она сама, по собственному, так сказать, желанию.

– Вот видите, Мария Андреевна, а вы утверждали, что этот вариант вас не устраивает. – Серебряный усмехнулся. – Давайте-ка я очерчу круг ваших будущих обязанностей. – Он встал из-за стола, подошел к окну, поднял жалюзи. В кабинет ворвался солнечный свет. Теперь, когда головная боль прошла, свет Ивана больше не раздражал, а вот новая сотрудница тут же зажмурилась. – Ничего сложного в вашей будущей работе нет. Вам не нужно быть семи пядей во лбу, единственное, что от вас требуется, это исполнительность.

Мария Андреевна Литвинова перестала щуриться, посмотрела на него очень внимательно. Серебряный хищно улыбнулся.

– Конечно, определенные неудобства присутствуют.

Он выпустил аккуратное колечко дыма. Лица неодобрительно поморщилась, ей явно не нравился сценарий, по которому разворачиваются события. Может, Иван перегнул палку? Эта маленькая моль, его новая секретарша, не стоила того, чтобы ссориться из-за нее с Ликой. Серебряный вернулся за стол, погасил сигарету.

– Рабочий день у вас будет ненормированный, как, впрочем, и у меня. Иногда мне приходится уезжать в командировки, вы будете сопровождать меня в этих поездках. Надеюсь, здесь не возникнет никаких проблем?

– Не возникнет.

– Это хорошо, потому что я не люблю неожиданностей. Если вы понимаете, о чем я.

Она все прекрасно понимала – его новая секретарша. Это не могло не радовать. Возможно, она даже поддается дрессировке.

– Когда мне приступать?

А голос у нее, черт возьми, красивый! Особенно, когда она нервничает.

– Завтра ровно в семь вы должны быть на рабочем месте. К сожалению, ваша предшественница сейчас в больнице и не сможет передать вам дела, но вы же девушка сообразительная, с высшим образованием, сами со всем разберетесь! – Серебряный выразительно посмотрел на часы.

– Я могу идти? – спросила его новая секретарша.

– Идите, – разрешил он.

Она молча кивнула, вопросительно посмотрела на Лику.

– Маш, ты иди. Я через минуту тебя догоню.

Так же молча, забыв попрощаться, Мария Андреевна Литвинова вышла из кабинета. А она немногословна, его новая секретарша. Несомненно, это плюс.

– Серебряный! Да что на тебя нашло?! – набросилась на него Лика, едва за ее протеже захлопнулась дверь. – Что это за номер с секретаршей?!

– Прости, девочка. У меня сейчас действительно нет мест в компьютерном отделе.

Ли́ка расстроено покачала головой.

– Я часто тебя о чем-нибудь просила? – ее голос дрогнул.

Серебряный почувствовал запоздалый укол раскаяния.

– Я сделаю так, как ты хочешь. Обещаю. Только не расстраивайся, пожалуйста.

– Ты повел себя как... – Ли́ка замолчала.

– Как скотина? – предположил он.

– Да! Нельзя так относиться к людям. Маша – хороший человек. Она не заслужила, чтобы ты вел себя с ней так похамски. Секретарша! – Ли́ка фыркнула.

– Но ведь твоя Маша согласилась, – возразил Серебряный.

– Согласилась! А что ей оставалось делать?

– Она могла отказаться.

– И остаться без средств к существованию с маленьким ребенком на руках? Ты хоть представляешь, что значат для нее две тысячи долларов? Для нее это запредельная сумма, Серебряный!

– Тогда я не понимаю, в чем проблема. Твоей протее нужны были работа и деньги, я их ей предоставил.

– Ты ее унизил.

– Знаешь что, – Серебряный снова ощутил уже улегшееся было раздражение, – Аннушка работала моим секретарем больше пяти лет и не считала эту работу унижением.

– Ты ничего не понял, – Ли́ка с досадой покачала головой. – Дело не в том, какую работу ты предложил. Дело в том, как ты это сделал. Не знала, что тебе нравится унижать

людей. До свидания, князь Серебряный.

– Подожди! – Он поймал ее за руку, развернул лицом к себе. – Ну, хочешь, я введу новую ставку специально для этой твоей Маши? Хочешь, я повышу ей зарплату вдвое? Ты только скажи.

Лица грустно улыбнулась, погладила его по щеке.

– Она не согласится.

– А мы просто поставим ее перед фактом.

– Ты уже поставил ее перед фактом.

– Но ведь второй факт гораздо приятнее первого.

– Чем?

– Деньги, социальный статус, – он коснулся губами ее пальцев.

– Я спрошу.

– Если спросишь, она точно откажется.

– Откуда тебе знать?

Он растерянно пожал плечами. И действительно, откуда ему знать, что Мария Андреевна Литвинова откажется от четырех тысяч баксов, если от двух тысяч не отказалась. В его уверенности было что-то иррациональное, не укладывающееся в строгие рамки логики, но от этого уверенность не становилась меньше.

– Ладно, бог с ней, с этой твоей Машей, – он решил сменить тему. – Как ты?

– А как я? – К тонкому аромату французских духов снова примешался запах безысходности. – Я живу, как видишь...

– Да, – он потер подбородок.

Разговоры «по душам», особенно с женщинами, особенно с Ликой, ему никогда не удавались. Каждому – свой крест. И то, что у хрупкой Лики этот крест тяжелее, чем у него, не исправишь, и крепкое мужское плечо не подставишь, как ни старайся...

– Не обижай ее, – шепнула Лика на прощание.

– Не буду.

Он готов был пообещать что угодно, только бы она улыбнулась...

* * *

Маша стояла у Ликиной машины и с ненавистью смотрела на стилизованный под старину особняк, свое новое место работы. Где-то в глубине души она сознавала, что ненависть – это не совсем то чувство, которое можно испытывать в данный момент. Она наконец получила работу, пусть не по профилю, пусть не слишком престижную, зато очень хорошо оплачиваемую. Она не смела даже надеяться на такую оплату. Две тысячи долларов плюс премиальные! Космическая сумма! За такие деньги да в ее положении можно душу продать...

Впрочем, она так и поступила – продала душу этому надменному, стилизованному под старину олигарху. «Продалась с потрохами», – как сказала бы баба Тоня.

А каким легким все казалось, когда она решила было, что ей ничего не светит, и их с олигархом дорожки никогда больше не пересекутся, что можно не волноваться и не бояться потерять лицо! А потом олигарх предложил «космические деньги», и она не смогла отказаться. Лицо, которое она так старалась сохранить, не просто упало в грязь, но еще и разбилось на мелкие осколки.

Маша повернулась спиной к особняку.

Самое ужасное даже не то, что она продалась. Нет тут ничего страшного, обычные товарно-денежные отношения. Ужасно, что новый босс так легко и так безошибочно нащупал ее слабое место. И нет смысла объяснять человеку, который носит костюм от Армани и туфли ручной работы, что у нее есть обязательства: перед своим ребенком, перед бабой Тоней и даже перед Тайсоном. Что ей нужно заботиться о них, кормить, одевать, хоть иногда баловать. А для этого нужны деньги. И ее гордость играет здесь даже не второстепенную роль.

– Маш, ты прости меня, – послышался за спиной голос Лики.

Она обернулась, посмотрела на подошедшую подругу.

– Не говори глупости. Я тебе очень благодарна.

– Не знаю, что на него нашло, – Лика, казалось, ничего не слышала.

– Да брось ты, все хорошо, – Маша улыбнулась. – Это на меня что-то нашло, а не на твоего князя Серебряного. Он

мне такие деньги предложил, а я еще ерепенюсь.

Подруга посмотрела на нее недоверчиво, открыла дверцу машины.

– Правда, правда! Я вам очень благодарна.

– Он сказал, что переведет тебя в компьютерный отдел, очень скоро.

– Замечательно.

– Нет, честно, – Лика робко улыбнулась. – Они планируют расширяться. Ты мне веришь?

– Конечно, верю.

Она не верила. Этому олигарху, этому князю Серебряному она не нужна ни в качестве программиста, ни в качестве секретарши. Ему даже смотреть на нее неприятно. Остается загадкой, почему он оставил ее при себе. Уж наверняка не из-за Ликиной протекции. Если бы он хотел оказать Лике услугу, то в компьютерном отделе нашлась бы вакансия.

– Вообще-то, он неплохой человек, – сказала Лика, когда они уселись в машину.

– Не сомневаюсь.

– Да, да, у него сложный характер, все это знают, но он не плохой.

– Лика, что ты оправдываешься? Все ведь в порядке. К сложным людям мне не привыкать. Одна баба Тоня с ее выкрутасами чего стоит.

– Тут другое. Я бы тебе рассказала, но это очень личное. У Ивана была трудная жизнь.

– Угу. Он жил на псарне, – проворчала Маша.

– Почему на псарне? – удивилась подруга.

Маша пожала плечами.

– Твой князь Серебряный ненавидит собак. Вот я и подумала... мала...

– Откуда ты знаешь про собак? – перебила ее Лика.

– А мы с ним знакомы. Ну, то есть не знакомы, а встретились.

От удивления подруга выпустила руль, растерянно посмотрела на Машу.

– Встречались?!

– Ну, это громко сказано. Просто столкнулись однажды на улице и нахамили друг другу. Вернее, он мне нахамил.

– А что он делал на улице? – Лика выровняла машину, бросила на Машу недоверчивый взгляд.

– Покупал сигареты в ларьке.

– Покупал сигареты?! Нет, ты что-то путаешь. Серебряный никогда не покупает сигареты в ларьках.

– Ничего я не путаю. Купил сигареты, наорал на меня и на Ваньку.

– Не может быть. Ну, ладно сигареты...

– Он их, кстати, сначала в урну выбросил, а потом обратно достал, – злорадно ввернула Маша. – А что тебя, собственно говоря, удивляет?

– Серебряный ни на кого не орет. Никогда. Не его стиль. У него другие рычаги давления, – убежденно сказала Лика.

– Не знаю, какие у него рычаги, но на нас с Ванькой он орал как резаный.

– Из-за чего?

– Не «из-за чего», а «из-за кого», – поправила Маша. – Ему не понравилось, что я оставила Ваньку на попечение Тая. А ты же знаешь Тая – он с Ваньки глаз не спускает. Этот твой князь крутился рядом с коляской, вот Тайсон на него и рыкнул.

– А зачем Ивану крутиться рядом с коляской? – удивилась Лика.

– Ну не знаю я! Но если бы у него был пистолет, он бы точно Тая пристрелил. И меня заодно. Маньяк какой-то, честное слово.

– Серебряный не любит собак.

– Ну и пусть себе не любит! Это не дает ему права приставать к моему псу!

– Вообще-то, на него не похоже, чтобы он первый...

– Ну, может, и не первый, – Маша провела рукой по стриженному затылку. – Начало я пропустила, – она задумалась. – Может, он хотел нас с Ванькой спасти от Тая?

– Это вряд ли, – Лика покачала головой.

– Вот и я думаю, что вряд ли. Просто он собако-, дето– и женоненавистник.

– Зато теперь понятно, почему он так на тебя отреагировал.

– Как «так»?

– Как бык на красную тряпку.

– Быки дальтоники, они не различают цвета.

– Зато Серебряный различает, и очень даже хорошо.

– Теперь я в черном списке. Черный цвет он тоже хорошо различает?

Ли́ка предпочла не отвечать.

Минут пятнадцать они ехали молча.

– Маша, – заговорила наконец подруга, – если ты не хочешь работать у Серебряного, я поищу тебе другую работу.

– Не надо. Меня все устраивает, – отмахнулась она.

«Кроме работодателя», – добавила мысленно.

– Тогда, может, отметим? – робко предложила Ли́ка.

– Денег нет.

– Я угощаю.

– Нет, так не годится.

– Тогда давай я тебе одолжу, а ты вернешь с первой зарплаты?

Они немного попрепирались, но в конце концов по дороге домой заехали в супермаркет и закупили всяких вкусностей и излишеств.

– Что вы так долго? – баба Тоня встретила их недовольным ворчанием. – Взяли на работу-то?

– Взяли, – Маша осторожно поставила на пол шуршащий пакет, к которому тут же, едва не сбив с ног бабу Тоню, метнулся Тайсон. Он с вожделием обнюхал торчащий из па-

кета хвост сыровяленой колбасы, жалобно тявкнул, заискивающе посмотрел на Машу.

– Фу, Тай! – Она попыталась оттащить пса от пакета. – Колбаса не для тебя! Колбаса для нас!

Тай обиженно заскулил, плюхнулся на пол, положил морду на лапы.

– Про тебя мы тоже не забыли. Ну где же это? – Она поискала в пакете купленные специально для Тая собачьи деликатесы.

– Да что вы топчетесь на пороге?! – сказала баба Тоня. – А ты, ирод, иди отсюда! – она легонько пнула Тайсона в бок.

Пес не двинулся с места, лишь бросил на бабу Тоню обиженный взгляд.

– А где Ванюшка? – спросила Лика, сбрасывая босоножки.

– Где ж ему быть? Тут он. Ванька! Ванька, иди сюда, оголец!

Из кухни донесся звук падения, металлическое дребезжание и топот детских ножек. В прихожую вышел Ванька, с ног до головы перемазанный манной кашей. В одной руке он держал ложку, в другой – половник.

– Ах ты, негодник! – всполошилась баба Тоня и краем девственно-белого передника принялась вытирать Ванькину мордашку.

– Ика! Мама! – Ванька, извиваясь как уж, выскользнул из объятий бабы Тони.

– Привет, сынок!

– Здравствуй, малыш!

Ванька растерянно посмотрел на две пары протянутых к нему рук и после секундного раздумья принял соломоново решение – переполз через развалившегося поперек прихожей Тая и, минуя маму и крестную, направился к пакету. Лика и Маша переглянулись. Ванька всегда знал, где искать подарки. Деловито отпихнув в сторону палку колбасы, он с головой нырнул в пакет и уже через пару мгновений вынырнул обратно, сжимая в руках игрушечного Винни Пуха.

– Нашел, – сказала Маша с гордостью, точно ее ребенок нашел не плюшевого медведя, а как минимум золотоносную жилу.

– А то! – восхищенно улыбнулась Лика.

– Да что же вы мальчика распускаете? – проворчала баба Тоня.

– Мы не распускаем, – в один голос ответили они и рассмеялись.

– Медведя притащили, – баба Тоня осуждающе посмотрела на Лику. – Зачем, спрашивается? Полон дом этих медведей! Только пылюку собирают!

– Для гармоничного развития ребенку нужны игрушки, – начала оправдываться Лика.

– А сладости? – баба Тоня кивнула на выпавшее из пакета печенье. – Сладости тоже нужны для гармоничного развития?

– Это не сладости, – заступилась за подругу Маша.

– А что это такое? Самые что ни на есть сладости!

– Это печенье. Специальное детское печенье. С витаминами и минералами.

– С витаминами и минералами! – баба Тоня презрительно поджала тонкие губы. – Все необходимые дитю витамины и минералы есть в манной каше, а это ваше печенье – химия! Хи-ми-я! Вот так! – Не говоря больше ни слова, она скрылась за кухонной дверью.

Лица сочувственно посмотрела на Машу.

– Не обращай внимания, – шепотом сказала та. – С ней такое бывает.

– Особенно, когда я прихожу.

– И без тебя тоже.

– Что вы там шушукаетесь? – подозрительно спросила баба Тоня из-за закрытой двери. – Небось косточки мои перемываете?

– Ничего мы не перемываем! – Маша подхватила сына на руки, перешагнула через Тая и вошла на кухню. За ее спиной зашуршала пакетом Лица.

Баба Тоня с обиженным лицом стояла посреди кухни. Маша тяжело вздохнула – иногда на вновь обретенную родственницу находило. Она уже привыкла к приступам подозрительности и мнительности, случавшимися с бабой Тоней с удивительной регулярностью, просто ей было страшно неловко перед Ликой. Как точно подметила подруга, эти

приступы совпадали с ее визитами. Счастье еще, что Лика не страдает повышенной обидчивостью. Любая другая на ее месте давно бы высказала едкой старушке все, что о ней думает, и тогда случилась бы беда. А у Лики просто ангельское терпение...

– Баба Тоня... – Маша обошла растекшуюся по полу лужу из манной каши, дело Ванькиных шкодливых ручек, поцеловала старушку в сухую щеку.

– Ну что – баба Тоня?! Как что, так сразу баба Тоня! – проворчала та. – А баба Тоня, между прочим, жизнь лучше вашего знает и опыт кой-какой имеет. Жаль только, что нынешняя молодежь, – она бросила на Машу укоризненный взгляд, – не приучена стариков уважать.

– Мы приучены, – сказала та с максимально возможным смирением.

– Я вижу! Не слепая! – Баба Тоня не спешила идти на мировую.

– Ну простите нас!

Обычно после волшебного слова «простите» баба Тоня оттаивала и сменяла гнев на милость. Было в этом слове что-то магическое.

– Да ладно уж. – Старушка позволила себе сдержанно улыбнуться. – Сегодня прощаю вас, непутевых, – она посмотрела на нерешительно топчущуюся в дверях Лику. – Ты-то что на пороге мнешься? Заноси сюда ваши деликатесы. Небось всякой ерунды понакупили?!

– Так ведь повод есть, – улыбнулась Маша.

– Повод – это хорошо. – Баба Тоня посмотрела сначала на застывающую на полу манку, потом на перепачканного все той же манкой Ваньку.

– Значит, кутить будем? – спросила неожиданно озорным тоном.

– Будем. – Ли́ка и Маша согласно закивали.

– Тогда чего стали как принцессы? Машка, давай мне мальчика, я его переодену. Сама пока кухню в порядок приведи. А ты, – она с сомнением посмотрела на Ли́кин костюм из натурального шелка, – ишь, вырядилась, – проворчала уже беззлобно, – мечи на стол свои деликатесы. Гулять так гулять.

* * *

Маша была на работе без двадцати семь. Конечно, можно было прийти к семи, как велено, но она решила перестраховаться, чтобы освоиться до прихода Его Княжества, поэтому проснулась ни свет ни заря, торопливо выпила чашку кофе, выгуляла Тайсона.

– Да что они, с ума посходили в этой твоей конторе?! – бурчала баба Тоня, пока Маша металась по квартире в поисках запропастившейся куда-то туфли. – Все начинают работать в девять, ну самое раннее – в восемь, а ты – в семь! Можно подумать, что этот твой компьютерный отдел – стра-

тегический объект! Можно подумать, там необходимо круглосуточное дежурство! Что за блажь?! Да сядь ты, Машка, поешь нормально! Я тебе яичницу пожарю.

– Некогда. – Маша выудила туфлю из-под дивана.

– Странная какая-то работа, – не унималась баба Тоня.

В ответ Маша лишь виновато пожала плечами, сняла с вешалки поводок Тая. У нее так и не хватило духу рассказать бабе Тоне, что она никакая не сотрудница компьютерного отдела, а всего лишь секретарша. В рейтинге ужасных профессий «целомудренной девушки» бабы Тони, профессия секретарши стояла рядом с профессией проститутки. Непонятно, что именно послужило причиной этой твердой убежденности, но факт оставался фактом. Секретарша – значит проститутка, продажная женщина, исполняющая все прихоти своего начальника. Переубеждать бабу Тонию, которая предавала анафеме даже платья с короткими рукавами, было себе дороже, и Маша решила на обман, вполне невинный, но все равно легший на ее плечи тяжким грузом.

Ввиду ограниченного времени прогулка с Таем была сокращена до минимума. Пес обиженно скулил, терся о подол Машиной юбки, заглядывал в глаза. К чувству стыда теперь добавилось еще и чувство вины. За то, что Тай не догулял своих положенных двадцати минут, за то, что Ванька проснется, а мамы нет...

Вчерашний охранник проводил ее равнодушным взгля-

дом. Похоже, ранний приход на работу в этой конторе был нормой и никого не удивлял. Маша не стала вызывать лифт – не старушка же она, в самом деле. Пусть олигарх с его искусственной патиной ездит на лифте.

Дверь в приемную была распахнута настежь. Маша переступила порог, огляделась. Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Разве что цветы в вазе богемского стекла слегка поникли. Интересно, цветы в приемной Его Княжества – это система или случайность? И если все-таки система, то где их брать, эти цветы?

Маша села за компьютер, задумалась. Его Княжество желал, чтобы она была исполнительницей. Слишком расплывчатое определение. Что именно она должна исполнять? Менять цветы в вазе богемского стекла, отвечать на телефонные звонки, регистрировать входящую и исходящую документацию, варить шефу кофе, смахивать пыль с его рабочего стола?

Надо признать, ее познания в этой области весьма ограничены. Причем, из всего вышперечисленного она умеет лишь менять цветы (при условии, что их ей кто-нибудь принесет), стирать пыль и варить кофе. С телефонными звонками, входящей и исходящей документацией могли возникнуть определенные трудности.

Маша посмотрела на часы – до начала рабочего дня оставалось еще пятнадцать минут. Этого должно хватить, чтобы смахнуть пыль с рабочего стола Его Княжества и заод-

но осмотреться в логове врага. Воровато оглядываясь, Маша подошла к двери, ведущей в княжеский кабинет. Она была почти уверена, что дверь окажется запертой, но та неожиданно легко открылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.